

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**В.М. Комаров, В.А. Коцюбинский, П.Н.Павлов,
Т.А. Сутырина**

**Институциональные барьеры инновационного
развития российской экономики**

Москва 2013

Аннотация. В работе дан комплексный анализ институциональных барьеров инновационного развития экономики России. Рассмотрена роль институтов в инновационном развитии с позиций современных теорий инноваций, проанализировано влияние неформальных институтов на инновационную динамику, изучены возможности осуществления институциональных изменений как механизма снятия институциональных барьеров. В заключении предложены выводы для инновационной экономической политики России на среднесрочную перспективу.

The paper provides a comprehensive analysis of institutional barriers to innovative development of Russia's economy. The paper examines role of institutions in innovative development from the standpoint of modern theories of innovation, characterizes the influence of informal institutions on innovation dynamics and explores possibilities for institutional change as a removal mechanism of institutional barriers.

In conclusion a number of medium term innovation policy measures for Russia is suggested.

Данная работа подготовлена на основе материалов исследования, выполненного в соответствии с тематическим планом фундаментальной и прикладной научно-исследовательской работы РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2011 год.

Содержание

Введение	4
1. Роль институтов в экономическом развитии, измерение качества институтов	9
2. Институциональный фактор в теоретических подходах к анализу инноваций	12
3. Роль институтов в инновационном развитии: обобщение и промежуточные выводы	19
4. Неформальные институты в роли ограничений для инновационной экономической динамики	27
5. Институциональные изменения как механизм преодоления институциональных барьеров инновационного развития, роль государства	42
6. Заключение. Выводы для экономической политики	52
Приложение. Институциональные барьеры инновационного развития экономики: место России в международных сопоставлениях	65
Список литературы.....	82

Введение

В настоящее время проведение экономической политики по форсированному развитию национальных инновационных систем является общемировым трендом. Это связано как с самой природой глобальной конкуренции, основанной на опережающей коммерциализации передовых исследований и разработок, так и с обострением конкуренции между национальными инновационными системами за ресурсы развития в условиях открытой экономики и свободного движения факторов производства.

Подход, связанный с анализом национальных инновационных систем, является достаточно удобным для анализа институциональной компоненты инновационного развития. Так, говоря об инновационной системе, мы обычно подразумеваем набор элементов и отношений между ними, обуславливающих движение от идеи до ее коммерциализации, прохождение всех стадий жизненного цикла инновации.

Наборов таких элементов и отношений между ними в литературе известно достаточно много. На наш взгляд, одним из самых простых и одновременно удобных для анализа подходов может быть подход, включающий следующие основные компоненты инновационной системы:

сектор генерации инноваций (прежде всего, наука и образование, задающие уровень развития человеческого капитала);

инновационная инфраструктура, обеспечивающая движение технологий от науки к промышленности, увязку секторов генерации и коммерциализации инноваций, в том числе селективные меры государственной поддержки (технопарки, кластеры, а также иные специфические меры поддержки трансфера технологий);

сектор коммерциализации инноваций (институциональная среда, предпринимательский климат, обуславливающие характер конкуренции, спрос на инновации).

Как правило, государственные стратегии и программы инновационного развития акцентируют внимание на второй компоненте – специфических мерах поддержки коммерциализации – или на первой, стимулируя развитие поисковых НИОКР. Между тем, ключевым условием для успеха инновационных проектов, на

наш взгляд, является третья компонента – коммерческий спрос на инновации. От того, являются ли инновации решающим фактором успеха в конкурентной борьбе, зависит реальный (не искусственно создаваемый при помощи селективных мер) спрос на инновации в экономике. Во многих теоретических подходах к анализу инноваций не всегда учитывается то обстоятельство, что инновационная система является принципиально открытой, то есть ее функционирование обусловлено также и действием внешних факторов, главным из которых является уровень развития институциональной среды.

Для большинства развитых стран мира, данный третий компонент, или высокое качество институциональной среды (формальных и неформальных правил) в стратегических документах учитывается *по умолчанию*, задается экзогенно. Если для данных стран это оправдано, то для России подобное рассмотрение в документах высокого уровня «идеальной экономики» с развитыми институтами приводит естественно к расхождению стратегических посылов и реальной практики, или, если говорить точнее, к искажению стратегических посылов в результате действия эффекта институциональной инерции.

Современная российская экономическая политика может охарактеризоваться как *«принуждение к инновациям сверху»*. В частности, например, через такие меры как формирование инновационных стратегий компаний с государственным участием, развитие инновационных регионов и т.п. Данные меры являются во многом искусственными, так как они не увязаны с реальными процессами спроса и предложения инноваций, с реальными стимулами экономических агентов.

Например, инновационные стратегии большинства регионов России по большей части являются скорее маркетинговыми декларациями, нежели реальными программами действий, равно как и программы инновационного развития крупных компаний с государственным участием (для них часто характерно отождествление инвестиционных и инновационных стратегий). Показательна следующая цитата из проекта Государственной программы России «Экономическое развитие и инновационная экономика»: *«Бизнес должен воспринимать инновации не как «хобби», и тем более не как обязанность перед государством, а как жизненно важную для перспектив развития компании, повышения эффективности и занятия*

лидерских позиций на рынках модель поведения».¹ Однако указанное «восприятие» бизнеса, отношение бизнеса к инновациям есть именно следствие общего состояния третьей компоненты инновационной системы в России, которое и является *основным барьером* масштабирования инноваций в России.

Рядом авторов, в частности А.А. Аузаном и В.Л. Тамбовцевым, современный подход к модернизации характеризуется как «проектный» - государство отбирает различные прорывные проекты и реализует их «за счет бюджета с добровольно-принудительным участием бизнеса».² С точки зрения институционального подхода такие меры не обеспечат модернизации и инновационного развития, поскольку не направлены на создание стимулов к инновациям у экономических агентов с одной стороны, а с другой – не влекут за собой совершенствование институциональной среды.

Основные индикаторы развития институциональной среды (см. Приложение) характеризуют несколько институциональных секторов экономики – правовые институты, регулирующие институты, институты развития человеческого капитала и др. Данные индексы и индикаторы имеют высокую корреляционную зависимость между собой, что говорит о качестве результатов, несмотря на различные методики их составления.

Количественные индикаторы институционального развития свидетельствуют о наличии существенных институциональных барьеров, которые препятствуют инновационному развитию России. В большинстве случаев, данные барьеры являются регулируемыми, что говорит о возможности их преодоления путем качественного изменения политики органов государственной власти.

Остановимся подробнее на основных структурных проблемах в экономической политике, проводимой в последние годы. С началом президентского срока Д.А. Медведева были декларированы намерения о проведении ряда реформ, в первую очередь, в судебной и правоохранительной системах, в области экономической политики (направленной на модернизацию и инновационное

¹ Проект государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», Минэкономразвития России, официальный сайт, 18 октября 2012 г., стр. 153.

² Тамбовцев В.Л. Есть ли в России спрос на институты //Независимая газета, Интернет-версия, 15.02.2011

развитие экономики), а также в сфере науки и образования. Тем не менее, даже на подготовительном этапе реформ респонденты, опрашиваемые международными организациями, не верили в качественные результаты этих реформ, о чем свидетельствует соответствующая статистика институционального развития.

Если рассматривать сферы, которые непосредственно относятся к инновационному развитию и модернизации (фундаментальная и прикладная наука, образование, инновационная инфраструктура, инновационный бизнес), то необходимо отметить ряд сохраняющихся проблем, свидетельствующих о невысокой эффективности проведенных преобразований.

Например, в фундаментальной науке по-прежнему наблюдается монопольное положение Государственных академий наук (ГАН). Финансирование ГАН существенно выросло за последние годы (рост затрат на исследования и разработки в постоянных ценах на 34% с 2003 по 2010 гг., в действующих ценах – рост в 3,4 раза³), но, тем не менее, остается на достаточно низком уровне по сравнению с развитыми странами. Как замечают в своей статье С. Гуриев, Д. Ливанов и К. Северинов «Шесть мифов Академии наук», резкое увеличение финансирования РАН в последние годы не привело ни к росту научной результативности, ни к обновлению кадров. Также в расчете на рубль затрат РАН производит меньше научных статей, чем иностранные конкуренты.⁴ Основными мерами, которые могут стать началом перемен в данной области, являются конкурсность в распределении финансовых средств на фундаментальные исследования среди научных коллективов и введение публикации в журналах, индексируемых в Web of Science или Scopus, как основного критерия эффективности.

Многие инициативы в области развития инновационной инфраструктуры, как представляется сегодня, оказались недостаточно эффективными: к ним можно отнести реализацию проекта инновационного центра в Сколково, развитие сети региональных инновационных кластеров, создание технологических платформ и ряд других. Основная концепция, на которой основаны эти проекты – это концепция «тройной спирали», одним из элементов которой является бизнес. Он же, точнее отсутствие с его стороны инициативы, и служит главным источником неудач. На сегодняшний день бизнес-сообществу вложения средств в инновации

³ Индикаторы науки: 2012. Стат. сб. - М. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012, стр. 180

⁴ «Шесть мифов Академии наук», «Эксперт» №48 (685) /14 дек 2009.

представляются нерентабельным проектом, поскольку в инвестиционно-инновационной сфере сохраняется множество фундаментальных проблем. Большая часть этих проблем связана с качеством работы судебной и правоохранительной систем, качеством обеспечения деятельности предприятий (энергообеспечение, строительство, технический надзор, получение различных лицензий и разрешений и т.д.).

Нельзя не отметить некоторые инициативы региональных властей, которые направлены на снижение масштабов указанных проблем, например: в Томской области, Калужской области и др. Зачастую региональные власти пытаются вручную регулировать и обеспечивать приток инвестиций в регионы. Тем не менее, предприятия, которые получают индивидуальную поддержку, сталкиваются с проблемами реализации произведенного инновационного и высокотехнологичного товара как на внутреннем рынке (не востребованность со стороны частных фирм, а также отсутствие государственного заказа), так и на внешнем рынке, где фиксируется высокий уровень конкуренции (в том числе с производителями, допускающими практику нелегального копирования технологий), а также присутствуют барьеры входа (требования о наличии международных сертификатов, высокая стоимость и большие временные издержки патентования продукции и технологий производства).

В настоящей работе будет сделана попытка комплексного анализа проблемы институциональных барьеров инновационного развития с позиций различных подходов к анализу инноваций, в том числе теории инновационных систем и эволюционной теории, аналитического подхода новой институциональной теории. В заключении работы будет предложен вектор политики России в области развития инноваций на среднесрочную перспективу (политики форсированного создания реальных стимулов к инновациям и комплексных институциональных преобразований).

1. Роль институтов в экономическом развитии, измерение качества институтов

На современном этапе развития экономической теории ведущая роль институтов в создании базовых условий экономического роста и модернизации не вызывает сомнений. Ключевые институты определяют, например, объемы инвестиций и темпы развития предпринимательства, а также устойчивость к внешним шокам,⁵ что в совокупности формирует основные составляющие институциональной среды, благоприятствующей экономическому росту.

Представление о существенном влиянии институтов не только на экономическое развитие, но и на саму систему стимулов поведения экономических агентов, сформировалось в рамках новой институциональной теории, в работах Р. Коуза⁶, О. Уильямсона⁷, Д. Норта⁸.

В соответствии с наиболее распространенной трактовкой, введенной Д. Нортом, *институты* представляют собой правила, а также механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми.

Приведенное определение раскрывает ключевые составляющие понятия «институт»:

наличие формальных и неформальных правил,

наличие механизмов их реализации – принуждения и поощрения со стороны общества, то есть наличие источников положительной или отрицательной мотивации для экономических агентов.

Действие любого института, любого более или менее эффективно выполняющегося правила в хозяйственной сфере, характеризуется, как известно, *перераспределительным и координационным эффектом*. Координационный эффект выражается, прежде всего, в снижении уровня неопределенности среды для

⁵ Rodrik, Dani. The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. Overseas Development Council. 1999

⁶ Coase, R. (1937), "The Nature of the Firm", *Economica*, 4 (16): 386–405.

⁷ Williamson, O. (1981). "The Economics of Organization: The Transaction Cost Approach". *The American Journal of Sociology* 87 (3): 548–577. Williamson, O. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*, The Free Press, New York, 1985.

⁸ North, D. *Structure and Change in Economic History*, Norton, 1981. North, D. *Institutions and economic growth: An historical introduction*, Elsevier, 1989. North, D. *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton University Press, 2005. North, D., Wallis, J. and Weingast, B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge University Press, 2009.

экономических агентов, что является особенно важным в развитии инноваций как деятельности, сопряженной с риском.

Обзор основных подходов к роли институционального фактора в экономическом развитии, а также обзор методик измерения качества институтов приводится в работе Л.М. Фрейнкмана и др.⁹

Авторами выделяются следующие группы институтов¹⁰:

правовые институты, задающие основные стимулы экономических агентов (судебная и административная система и др.);

регулирующие институты, определяющие возможности открытия нового бизнеса и в целом параметры экономической динамики;

институты развития человеческого и социального капитала, определяющие, в частности способность общества к генерации и внедрению новых идей;

институты экономической координации и распределения рисков, определяющие параметры финансовой системы, в частности доступность кредита для инноваций¹¹.

Измерение качества институтов в настоящее время осуществляется множеством организаций и проводится на регулярной основе по международной выборке стран. Получаемые в результате индексы и составляемые на их основе рейтинги стран (а точнее рейтинги качества их институциональных систем) публикуются в открытом доступе и предоставляют широкие возможности для проведения собственных исследований взаимосвязи качества институтов и инновационной динамики. Перечислим ряд основных индексов с указанием соответствующих организаций, предоставляющих исходные данные (а зачастую и публикующих результаты исследований, выполненных на базе этих данных):

индексы Всемирного банка - индексы качества государственного управления (World Bank Worldwide Governance Indicators, WB WGI);

индекс восприятия коррупции (Transparency International, TI);

⁹ Л. М. Фрейнкман, В. В. Дашкеев, М. Р. Муфтяхетдинова. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. – М.: ИЭПП, 2009.

¹⁰ Там же, стр. 36.

¹¹ Здесь уместно упомянуть известную оценку роли кредита в инновационной экономике и вспомнить характеристику предпринимателя, который «мчится к успеху, оседлав долги», предложенную Й.А. Шумпетером (Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Директ Паблишинг, 2008, стр. 161).

индекс экономических свобод (Heritage Foundation Economic Freedom of the World) и рейтинг экономических свобод Fraser Institute;
индикаторы экономической трансформации (EBRD Transition indicators);
качество среды для экономического роста (GS GES);
индекс условий для ведения бизнеса (World Bank Doing Business);
индекс ограничений для прямых иностранных инвестиций (ОЭСР);
глобальный индекс размещения услуг (A. T. Kearney GSLI);
индекс общественной честности (The Public Integrity Index);
индекс политического устройства Полити (Polity IV);
свобода в мире (Freedom House. Freedom in the World).¹²

В целом перечень институтов, оказывающих влияние на экономическое развитие, очень широк и включает в себя не только экономические, но и политические, и социальные институты. При этом достаточно сложно определить, влияние каких из рассматриваемых институтов на инновационное развитие оказывается наибольшим.

Существует, например, подход, согласно которому качество институциональной среды той или иной страны может быть описано на основе косвенных показателей. Этот подход допускает сужение совокупности оцениваемых институтов и концентрацию непосредственно на институтах, влияющих на инновационное развитие. Так, об успешности создания институциональной среды для инновационного развития свидетельствует показатель *доли ежегодно появляющихся новых фирм относительно общего количества существующих фирм*. Большое количество вновь создаваемых фирм говорит о невысоких барьерах входа на рынок и благоприятных условиях для начала и развития бизнеса. Институты финансовых рынков создают условия для успешной инвестиционной деятельности и устойчивого роста,¹³ - процессов, неотъемлемо сопутствующих инновационному развитию. Сходную смысловую нагрузку несет и показатель *доли кредитов частному сектору в ВВП*.

¹² Подробнее о месте России по основным индикаторам развития институциональной среды см. в Приложении.

¹³ Prasad Eswar, G. Rajan Raghuram, Subramanian Arvind. Patterns of international capital flows and their implications for economic development, Proceedings, Federal Reserve Bank of Kansas City, 2006.

Особую важность имеют базовые правовые институты, которые обеспечивают неприкосновенность прав личности, личного имущества. Надежные гарантии жизни, неприкосновенности личности и частной собственности, свобода слова и другие базовые права являются фундаментом для построения остальных значимых для экономической системы институтов.

Значимым для инновационного развития институциональным фактором является состояние человеческого капитала. Данный фактор, с одной стороны, определяет возможную скорость внедрения инноваций и их качество, обусловленные образованием и способностями людей. С другой стороны, данный фактор определяет также наличие внутренних субъективных стимулов инновационного развития – в виде склонности к риску, нестандартного мышления, предпринимательского духа.

Институциональная сфера сама по себе весьма широка, и в силу специфики влияние институтов на инновационное развитие является практически тотальным.

Для того, чтобы несколько сузить проблематику влияния институтов на инновационное развитие, выявить основные барьеры для инноваций, ответим на вопрос о том, где появляется институциональный фактор в теоретических подходах к исследованию инноваций или, другими словами, в современной (ортодоксальной и неортодоксальной) инновационной теории.

2. Институциональный фактор в теоретических подходах к анализу инноваций

На сегодняшний день в экономической литературе накоплено значительное число теоретических подходов к анализу инноваций, не все из которых можно отнести к основному течению современной экономической мысли.

В обобщающей работе М. Лараньи, Э. Уараба и К. Фланаганбла¹⁴ дана структура теоретических подходов к описанию инновационной политики¹⁵:

неоклассический подход;

шумпетерианская (новая) теория экономического роста;

¹⁴ Laranja M., Uyarrab E., Flanaganb K. (2008). Policies for science, technology and innovation: Translating rationales into regional policies in a multi-level setting. *Research Policy*, 37, P. 823-835.

¹⁵ Подробно данный подход и другие подходы к анализу инноваций представлены в работе: Комаров В. Основные положения теории инноваций. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.

неомаршаллианский (кластерный) подход;
системный институциональный подход;
эволюционный подход.

Во-первых, авторы выделяют *неоклассический подход* к обоснованию научной, технологической и инновационной политики развития, основанный на рассмотрении технологии (понимаемой как информация, заключенная в знаниях) как важнейшей переменной экономического роста, создающей положительные внешние эффекты для всей экономики. Поскольку информация обладает свойствами общественного блага, то возникает проблема безбилетника, в результате которой в экономике будет производиться неоптимальный уровень инноваций. Отсюда возникает идея стимулирования частных инвестиций в новые технологии путем налоговых льгот, субсидий, защиты прав интеллектуальной собственности, создания с помощью государства объектов инновационной инфраструктуры, обеспечивающей коммерциализацию исследований и разработок¹⁶.

Далее авторы в числе теоретических обоснований инновационной политики выделяют *шумпетерианскую теорию эндогенного роста* (или, так называемую, *новую теорию роста*, начавшуюся с классических работ П. Ромера). Инновации рассматриваются как результат обучения в процессе работы (организационные инновации) и инвестиций в НИОКР (технологические инновации). Инновации при таком подходе являются не общественными благами, а частными благами, которые присваиваются отдельными фирмами. В результате внедрения организационных, технологических и иных видов инноваций фирмы могут временно занимать монопольное положение на рынке. Инновации становятся не только основным фактором победы в конкурентной борьбе, но и двигателем процесса экономических изменений или, в терминологии Й.А. Шумпетера, процесса «созидательного разрушения»¹⁷. Государственная политика, основанная на шумпетерианском подходе, уделяет ключевое внимание стимулированию спроса на исследования и

¹⁶ По большому счету здесь речь идет о второй компоненте национальной инновационной системе, рассмотренной во введении к настоящей работе.

¹⁷ Заметим, что, как известно, процесс экономического развития Й.А. Шумпетер связывает с «осуществлением новых комбинаций» в экономике в форме следующих пяти случаев:

1. Изготовление нового блага/нового качества блага;
2. Внедрение нового способа производства;
3. Освоение нового рынка сбыта данной продукции;
4. Получение нового источника сырья или полуфабрикатов;
5. Проведение соответствующей реорганизации рынка/предприятия. (Подробнее: Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Директ Пабблишинг, 2008, стр. 158).

разработки коммерческими фирмами. Приоритет отдается созданию условий для роста «производительности» научно-образовательного сектора, повышения качества человеческого капитала¹⁸.

Неомаршаллианский кластерный подход подразумевает создание кластеров, «промышленных округов», «инновационных сред», инновационных регионов и т.п. Основная идея подхода состоит в создании сети коммуникаций в пределах одной территории, позволяющей упростить процессы обучения, снизить неопределенность и недоверие, связанное с внедрением новшеств, ускорить коммерциализацию исследований и разработок и т.п. Данный подход возник на основе эмпирического изучения успешных с точки зрения генерации и внедрения инноваций территорий. В числе рекомендаций данного подхода – проведение «политики технологической близости», создание территориальных высокотехнологичных кластеров, промышленных округов. Среди примеров реализации подобной практики в России можно отметить создание инновационного центра в Сколково, проект по созданию федерального центра образования, исследований и разработок Томской области, развитие особых экономических зон, развитие высокотехнологичных кластеров и др.

Близким к идеологии кластерного подхода является политика по созданию технологических платформ, призванных усилить коммуникации между ключевыми участниками инновационного процесса – бизнесом, государством и наукой. В данном случае имеется в виду привязка не к определенной территории, а к определенным технологическим и отраслевым направлениям. Роль институциональной компоненты в неомаршаллианском подходе является весомой, поскольку само создание кластера призвано упростить взаимодействие участников системы через выстраивание эффективных «правил игры», сетей коммуникаций внутри кластера.

Четверым подходом к проведению инновационной политики, который выделяется в статье М. Лараньи, Э. Уараба и К. Фланаганбла, является так называемый (в терминологии авторов) «*системный институциональный подход*». Ключевая особенность данного подхода, который в настоящее время

¹⁸ С точки зрения структуры национальной инновационной системы, представленной во введении, мы можем говорить о приоритетном развитии первой компоненты (сектора генерации), а также об усилении взаимосвязи между всеми компонентами – сектором генерации, коммерциализации и инновационной инфраструктурой.

разрабатывается в рамках концепций инновационных систем, состоит в том, что инновации, а точнее скорость внедрения инноваций (прохождение всех этапов инновационного процесса от идеи до ее внедрения и диффузии в экономике) есть совокупный результат действия системных факторов. В структуре инновационных систем обычно выделяют учреждения (государства, бизнеса, научно-образовательного комплекса, специализированные объекты инновационной инфраструктуры), правила взаимодействия между ними, а также общественные (формальных и неформальных) институты, которые являются внешними факторами и создают условия и стимулы для внедрения инноваций.

К институтам поддержки инноваций могут относиться, как законы и нормативные акты, социальные и культурные нормы, так и созданные специальные учреждения поддержки и координации инновационного процесса, например, государственные межотраслевые комиссии или советы по инновациям, институты развития.

В частности, подход национальных инновационных систем, развитый Б.-А. Лундваллом, К.Фрименом и Р.Нельсоном¹⁹ объясняет инновационное развитие, успешность прохождения всех этапов инновационного процесса с точки зрения «*посредничества*» созданных институтов (то есть правил и учреждений-носителей правил). Если уровень инновационного развития относительно не высок, то это объясняется системными ошибками или провалами – связи между отдельными элементами настолько слабы, что процессы обучения, движения от идеи к коммерциализации и последующей диффузии в экономике затруднены.

Задача государственной или региональной политики с точки зрения системного подхода, на наш взгляд, состоит, во-первых, в построении *всего множества элементов (субъектов) инновационной системы* и, во-вторых, в создании эффективных институтов, направленных на обеспечение *согласованного взаимодействия созданных элементов*. Такая политика должна привести к росту системной производительности (за счет, в том числе, синергетических эффектов в системе), масштабировать сильные стороны, нивелировать слабые, преодолевать институциональную инерцию.

¹⁹ Nelson R.R. (ed.) (1993). National Innovation Systems. A Comparative Analysis, Oxford University Press, New York/Oxford. Freeman C. (1995). The National System of Innovation in Historical Perspective, Cambridge Journal of Economics, No. 19, P. 5-24. Lundvall B-A. (ed.) (1992). National Innovation Systems: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning, Pinter, London. Lundvall B-A. (2007). National Innovation System: Analytical Focusing Device and Policy Learning Tool. Working paper.

Заметим, что отношения между элементами системы, субъектами инновационной системы, опосредующими коммерциализацию (от университетов до промышленности), должны быть не только скоординированы между собой на основе эффективных правил, но и должны быть взаимоувязаны с внешними факторами, поскольку система является *открытой*. На наш, взгляд, это можно объяснить тем фактом, что «конструируя» региональную инновационную систему мы должны учитывать национальную инновационную систему как систему более высокого порядка, а, конструируя национальную – конкуренцию национальных инновационных систем в мире, глобальное движение человеческого капитала и других факторов, глобальный спрос рынков высоких технологий.

По большому счету построение национальной или региональной инновационной системы есть процесс целенаправленных институциональных изменений.

Заметим, что в рамках системного подхода мы можем объяснить феномен *«избыточности»* в инновационной экономике, который зачастую оказывается необходимым для запуска инновационного роста - избыточность университетов, технопарков и других объектов инновационной инфраструктуры, спроса, мер поддержки, системы стимулов и т.п. Избыточность факторов позволяет с одной стороны осуществить комплексные и необратимые институциональные преобразования, а с другой застраховать себя от неминуемых системных ошибок.

В настоящее время системный подход положен в основу инновационной политики в России, созданы многие необходимые объекты инновационной инфраструктуры. Однако для успешной реализации системного подхода и запуска инновационного роста необходимо обеспечить не только слаженное взаимодействие между созданными элементами, но и повысить качество институциональной среды и предпринимательского климата. Российская Федерация в реализации инновационной политики действительно столкнулась с *институциональными барьерами инновационного развития*. В частности, среди ключевых задач Подпрограммы «Стимулирование инноваций» Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» отмечена необходимость улучшения координации между существующими и создаваемыми элементами и блоками инновационной системы и обеспечения повышения спроса на инновации со

стороны субъектов экономической деятельности²⁰.

Наконец, последний подход, который выделен в статье М. Лараньи, Э. Уараба и К. Фланаганбла, - это *эволюционный подход* к инновациям, основанный на эволюционной экономической теории Нельсона и Уинтера и концепции рутин²¹. Эволюционный подход является преимущественно микроэкономическим и рассматривает поведение отдельных фирм как основной движущей силы экономических изменений. Фирмы в своей деятельности ориентируются на уже опробованные шаблоны и образцы деловой практики, регулярные и предсказуемые модели поведения, рутинные процедуры. Инновации – это изменения в наборе существующих у фирмы рутин, изменения институциональной среды фирмы и ее организационной структуры. Внедрение инноваций (особенно организационных) и их последующее закрепление в качестве рутин и новых шаблонов и образцов лучшей деловой практики и объясняет динамику экономического развития через последовательность «инновации-рутины-инновации».

Как мы можем видеть, системный и эволюционный подход в качестве основного фактора развития инноваций рассматривают формальные и неформальные институты. Системный подход сводится к анализу того, как формальные и неформальные институты («правила игры» и их «носители», учреждения их воплощающие – учреждения инновационной инфраструктуры, креативный класс, инновационные предприниматели и др.) формируют производство знаний и их коммерциализацию, как они опосредуют и обуславливают инновационный процесс.

Эволюционный подход является более широким, поскольку детально рассматривает отдельные элементы инновационных систем, изучает их развитие (в том числе внутреннее, за счет эндогенных факторов) в динамике. Эволюционный подход учитывает взаимное влияние развития технологий, развития соответствующих институтов (учреждений или правил, обеспечивающих возможность не только появления, но и массового внедрения данной технологии) и развития структуры производства. То есть в рамках данного подхода особое

²⁰ Минэкономразвития России. Проект государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (от 14 октября 2012), стр. 152

http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrategy/doc20121018_002

²¹ Nelson R.R., Winter S.G. (1982). An Evolutionary Theory of Economic Change. Harvard University Press.

внимание уделяется наличию прямых и обратных связей между внедрением новшества и соответствующей институциональной адаптации.

Работая с динамическими системами, эволюционный подход обращает внимание на так называемую познавательную способность системы, ее способность к самоизучению и саморазвитию, когда развитие инноваций является результатом действия эндогенных факторов системы. В настоящее время эволюционный подход часто используется в институциональных исследованиях, например, при изучении зависимостей от траектории предшествующего развития, учете экономико-географических факторов. Ряд авторов²², например, полагают, что уровень инновационного развития может быть результатом случайных внешних шоков, исторических бифуркаций.

На наш взгляд, одним из видов, эволюционного подхода на макроуровне могут выступать современные теории циклов - теории, описывающие долгосрочную технологическую динамику. Например, теории технологических укладов, промышленных революций Й.А. Шумпетера и К.Фримена или, например, современная концепция технико-экономических парадигм К.Перес. Отметим, что К.Перес под «технико-экономическими» парадигмами понимает набор технологий широкого применения и соответствующих организационных принципов, образцов лучшей деловой практики, способствующих скачку производительности в результате внедрения данной технологии²³. Другими словами, как мы можем сделать вывод, технико-экономическую парадигму формирует успешно реализовавшаяся коэволюция технологии и институциональной структуры. Если по каким-то причинам подобного взаимного развития и приспособления не произошло, то технологии и открытия не находят широкого применения, примеров чего в истории накоплено значительное множество.

Основной вывод эволюционного подхода состоит в том, что экономическая политика должна быть направлена на поиск динамического равновесия (соответствия) между конкретными характеристиками технологической траектории и характеристиками институтов (правил, организационных принципов и их носителей), способствующих широкому применению данной технологии в экономике. Политика в этом случае может быть смешанной и различной по

²² Например, Krugman P. (1991). *Geography and Trade*. Leuven University Press, Belgium.

²³ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Карлота Перес; пер. с англ. Ф.В. Маевского. - М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011, с. 31

отношению к разным объектам и технологиям в зависимости от их специфики, возможных путей их развития. В этой связи в уже упоминаемой работе М. Лараньи, Э. Уараба и К. Фланаганбла подчеркивается возможность «динамической перспективы портфеля политик», понимаемой как ряд различных программ или инструментов, адаптированных к конкретным условиям территории или организации. Также политика предполагает наличие лага адаптации между потребностями новой технологии и возможностями окружающей ее институциональной среды. Из эволюционной теории вытекает, как минимум, существенная роль местных и региональных властей в проведении инновационной политики.

3. Роль институтов в инновационном развитии: обобщение и промежуточные выводы

Как можно было видеть в ходе анализа теоретических подходов к обоснованию возможного содержания инновационной экономической политики, для первых трех подходов (неоклассического, эндогенной теории роста и кластерного), роль институтов является важной, однако не является решающей. Для системного и эволюционного подходов, которые являются доминирующими в современной теории инноваций и политической практике, но которые, однако, нельзя отнести к мейнстриму современной экономической теории, роль институтов является действительно ключевой, основополагающей. На наш взгляд, именно недоучет институциональных факторов при проведении экономической политики, важных в рамках данных подходов, может приводить к возникновению на практике институциональных барьеров инновационного развития.

Заметим, что фактор институциональной среды в системном и эволюционном подходе рассмотрен в разных аспектах – дается привязка к этапам инновационного процесса в статике (системная школа) и динамике (эволюционная школа). Эту особенность взаимной комплементарности системного и эволюционного подходов к инновациям заметил Руд Смитс²⁴, указав на то, что внутри инновационной теории,

²⁴ Smits R. (2002). Innovation studies in the 21st century: Questions from a user's perspective. *Technological Forecasting & Social Change* 69. P. 861-883.

которая служим типичным примером междисциплинарной науки, существуют две теоретические школы, которые являются дополнительными друг к другу – «системная» и «процессная» (или эволюционная). Инновационный подход, по мысли Р. Смитса, представляет собой именно объединение данных подходов. Системный подход, как мы уже отмечали, фокусируется на анализе инновационных (региональных или национальных) систем, эволюционный – на взаимной динамике технологического и социально-институционального развития. Системный подход отвечает на вопрос о том, какие элементы и какие связи между элементами необходимо выстроить для ускоренной и масштабной коммерциализации технологий. В свою очередь эволюционный подход отвечает на вопрос о том, как их (элементы и связи) увязать с адаптационной способностью уже существующих институтов, с существующим окружением.

Идея Руда Смитса о взаимной дополнительности и потенциале объединения системного и процессного подхода в так называемую обобщенную теорию инноваций развита в работе В.Комарова, в которой автор описывает динамическую теорию инновационных систем на разных уровнях применения (национальном, региональном, фирменном или управленческом).

Таблица 1.

Синтез теорий инноваций: общая теория инноваций как динамический системный многоуровневый подход

Уровни / подход	Динамический (эволюционный) подход	Системный (институциональный) подход
Микро	Эволюционная экономическая теория Нельсона и Уинтера	Структурно-институциональный (организационный) подход на уровне фирм
Макро	Современная теория циклов на макроуровне	Концепции инновационных систем
Управленческий уровень	Системно-синергетический подход в инновационном менеджменте	

Источник: Комаров В.М. Основные положения теории инноваций – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012, с. 128.

Важно отметить, что между указанными подходами нет противоречий. Они являются дополнительными друг другу, применяясь на разных уровнях – микроэкономическом, макроэкономическом, или акцентируя внимание на статике или динамике инновационного процесса. Предложенная структуризация позволяет

лучше понять роль институциональной компоненты, выявить барьеры для развития инноваций.

Прежде чем исследовать роль институтов, остановимся еще раз на определении института, которое мы будем использовать.

При рассмотрении системного подхода мы видели, что к институтам поддержки инноваций могут относиться, как формальные и неформальные институты, структурирующие поведение экономических агентов, так и созданные специальные учреждения инновационной инфраструктуры (например, институты развития). К традиционному определению институтов по Д. Норту (правила и механизмы их принуждения) добавляются «носители» правил²⁵. Таким образом, в экономической литературе встречаются расхождения относительно того, что вкладывается в понятие институтов. В частности, в работе Ч. Эдквиста и Б. Джонсона²⁶ также отмечается, что в понятие институтов обычно вкладываются два разных смысла:

во-первых, под институтами понимаются *субъекты, которые участвуют в производстве, распространении и управлении научно-техническими знаниями* (в принимаемой нами терминологии - это субъекты, которые участвуют в генерации, коммерциализации и диффузии инноваций: специализированные государственные организации, институты развития, учреждения науки и образования и т.п.)

во-вторых, под институтами понимаются *нормы и правила*, структурирующие процесс взаимодействия между экономическими агентами, в нашем случае субъектами инновационного процесса.

По большому счету зачастую под институтами понимаются не только определенные алгоритмы, правила поведения, но и непосредственно «носители» или «субъекты» данных алгоритмов – отдельные учреждения, организации и т.п.

Определяя национальную инновационной системы, К. Фримен указывает, что «НИС – это сеть институтов в государственном и частном секторе, которые,

²⁵ В соответствии с определением Д. Норта, институты являются «правилами игры в обществе». Данное понятие включает в себя правовую систему, а также формальные и неформальные правила, привычки и обычаи, которые определяют модели поведения и формы взаимодействия экономических агентов. См. North, D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, 1990.

²⁶ Edquist, C. and Johnson, B. (1997). 'Institutions and organisations in systems of innovation', in C. Edquist (ed.) *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. London and Washington: Pinter/Cassell Academic.

взаимодействуя, иницируют, импортируют, модифицируют и распространяют новые технологии»²⁷. К подобным правилам относятся, например, законы и нормативные акты, технические стандарты и другие нормы и правила, опосредующие инновационный процесс. В определении Минэкономразвития России, приведенном в стратегии «Инновационная Россия – 2020», указано, что «национальная инновационная система (НИС) - это совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и (или) коммерческой реализацией знаний и технологий, и комплекса институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих взаимодействие образовательных, научных, предпринимательских и некоммерческих организаций и структур во всех сферах экономики и общественной жизни».²⁸ В данном определении дается четкое разграничение учреждений и норм поведения.

Таким образом, под институтами мы будем понимать в первую очередь правила структурирующие взаимодействия субъектов инновационной системы, и только во вторую очередь (с необходимой оговоркой) созданные учреждения поддержки инноваций.

Проанализируем инновационную систему России с точки зрения рассмотренных теоретических подходов и ответим на вопрос, какими институциональными характеристиками она должна обладать.

Во-первых, как было показано, ключевая идея *системного подхода* состоит в том, что инновации есть результат взаимодействия различных типов организаций, обеспечивающих коммерциализацию технологий, быстрое и беспрепятственное прохождение всех этапов инновационного процесса. Роль институтов как «правил игры» является в данном подходе ключевой – именно институты обеспечивают согласованное взаимодействие, отсутствие системных провалов. Дополнительно в данном подходе подчеркивается роль специализированных объектов инновационной инфраструктуры, упрощающих положение субъектов инновационной деятельности.

²⁷ Freeman C. (1987). Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. Pinter, London., с. 1-5

²⁸ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (проект) // Минэкономразвития России, Москва, 2011, стр. 138.

Поэтому, применяя системный подход на макроуровне (национальном или региональном), в структуре национальной или региональной инновационной системы мы можем выделить:

субъекты инноваций на всех этапах инновационного процесса (университеты, научные организации, предприниматели, промышленность, специализированные организации инновационной инфраструктуры – технопарки, бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования, институты развития и др.);

формальные и неформальные институты локального действия, обеспечивающих эффективное взаимодействие субъектов инновационной системы, создание и согласованность стимулов для каждого участника, отсутствие системных провалов;

формальные и неформальные институты в экономике и обществе, являющиеся внешними факторами для инновационной системы.

Включение последних обусловлено тем обстоятельством, что при рассмотрении инновационных систем часто упускается из виду тот факт, что данные системы являются открытыми, встроенными в экономическую систему страны и мира. Поэтому институты экономической системы, в том числе определяющие характер конкуренции, общие поведенческие установки экономических агентов, оказывают прямое влияние на функционирование инновационных систем, задают стимулы субъектов инновационной системы – ученых, предпринимателей, государственных чиновников и др. Инновационную систему нельзя рассматривать отдельно или изолированно от факторов внешней среды.

Системный подход к инновациям на микроуровне утверждает, что инновации есть следствие определенной организационной структуры фирмы, способов координации между подразделениями, системы мотивации персонала и т.п. Такой подход не фокусируется на действии внешних для фирмы условий (задаваемых институциональными факторами, отраслевой конъюнктурой, уровнем экономического развития, уровнем развития национальной инновационной системы и т.п.). Данные условия накладывают естественные ограничения на поведение фирмы. Что касается других субъектов инновационного процесса, то внешние условия задают систему стимулов последних, ограничивая круг возможных альтернатив.

Во-вторых, в соответствии с *эволюционным подходом*, как было показано выше, инновации есть результат согласованности во времени институционального окружения и появляющихся новых технологий. На национальном уровне (в рамках современной теории циклов) мы можем говорить, что инновации (особенно стволовые или базисные, формирующие технологические уклады) есть результат самой возможности развертывания определенной технико-экономической парадигмы. В марксистской терминологии мы можем сказать, что инновации формируют способ производства в результате соответствия уровня развития производственных сил (технологий) уровню развития производственных отношений (институты). На микроуровне инновации есть результат постоянных изменений системы внутрифирменных правил и норм фирмы, замещения рутин инновациями. Выбор фирмы в отношении организационной структуры выступает важнейшим фактором конкурентоспособности. Изменения организационной структуры связаны, как правило, с внешними факторами, прежде всего, технологическими изменениями, изменениями структуры отрасли, эволюцией конкурентных стратегий²⁹. На наноуровне (уровне отдельных индивидов) инновации есть результат самой возможности реализации различных альтернатив, выбора наиболее оптимального решения или сценария поведения.

Подведем промежуточный итог анализа и суммируем причины возникновения институциональных барьеров и расхождения стратегических политических посылов и реальной практики.

Под *институциональными барьерами инновационного развития* в свете проведенного выше исследования можно понимать совокупность формальных и неформальных институтов, снижающих функциональную эффективность, как отдельных субъектов инновационной системы, так и системных взаимосвязей между ними как в статике (системные провалы и ошибки), так и в динамике (институциональная инерция).

Среди основных причин появления институциональных барьеров можно назвать следующие.

²⁹ Nelson, R. R. (1992): "National Innovation Systems: A Retrospective on a Study". *Industrial and Corporate Change*, no. 2, pp.347-374. Pavitt, K. (1984), *Sectoral Patterns of Technical Change: Towards a Taxonomy and a Theory*, *Research Policy* 13:374-73.

Во-первых, в рассмотрении экономических моделей и стратегических документах *институты задаются экзогенно*. Причем в группу внешних параметров попадают не только базовые и надконституционные институты, но и отраслевая структура экономики, организационная структура промышленности и др. Кроме того, даже если институты учитываются, то по умолчанию предполагается их эффективность, высокое качество институциональной среды, способствующей не только конкуренции в экономике, но и благоприятствующей проведению институциональных преобразований³⁰.

Во-вторых, как правило, не учитывается вектор действия *системы стимулов участников инновационного процесса*: не учитывается не только мотивация экономических агентов, предпринимательского сектора, но и мотивация ученого сообщества, персонала обслуживающих организаций инновационной инфраструктуры. Эффективность работы системы стимулов участников инновационного процесса находится в прямой взаимосвязи от уровня развития и общеэкономических условий использования человеческого и социального капитала. Если возможности получения непрерывного образования и творческой деятельности ограничены, если реализация идей сопряжена с запретительно высокими издержками, то любые стимулы к поисковой деятельности ученых и предпринимателей снижаются. Что касается фирм, сектора коммерциализации, то если инновации не являются основным фактором успеха в конкурентной борьбе, то вряд ли возможно обеспечить их внедрение. Здесь также необходимо учесть рассогласование стимулов государственных институтов и предпринимательского сообщества. Также если выбор доступных для ученого или предпринимателя альтернатив ограничен действующими институтами, то потенциальные возможности для инноваций, рекомбинаций имеющихся в распоряжении ресурсов являются также ограниченными. Искажение стимулов субъектов инновационной системы (в сравнении с поведением, ожидаемым от них другими субъектами), приводит к общему *рассогласованию стимулов участников разных этапов*, затрудняет прохождение этапов инновационного процесса.

³⁰ Отметим, что в числе основных рисков не реализации тех или иных мероприятий, как правило, указываются только финансовые риски.

Отдельно здесь необходимо учитывать наличие у каждого из субъектов инновационной системы спроса на исполнение правил, который связан со структурой издержек исполнения/неисполнения правила.

В-третьих, не учитывается *роль, в том числе негативная, уже существующих институтов*, эффекты институциональной инерции и блокировки, которые возникают при попытках строительства инновационных систем. В этой связи, например, любые изменения в институтах национальной инновационной системы сопряжены для фирмы или любого другого субъекта инновационной системы с несением затрат, направленных на адаптацию к изменившейся окружающей экономической среде или на адаптацию к работе в условиях недееспособных формальных институтов.

В-четвертых, необходимо отметить, что для развития инноваций как высокорисковой деятельности необходим *избыток стимулов* у экономических агентов. Инновационные отрасли практически не могут развиваться в условиях малейших инфраструктурных или институциональных ограничений. Этим объясняется тот обстоятельство, что в развивающихся экономиках стартовые проекты в области высоких технологий иницируются и осуществляются государством или разрабатываются в инновационных кластерах.

Таким образом, из содержания данного раздела следует вывод о том, что осуществление априори любой инновационной деятельности серьезно ограничено *действием внешних для субъектов инновационной системы (ученых, предпринимателей, фирм), так и для самой инновационной системы институциональных факторов, в том числе связано с несением затрат, направленных на адаптацию к изменяющимся институтам.*

Институциональный подход позволяет говорить, прежде всего, о реальной экономике, о реальных стимулах агентов инновационного процесса. Применение системного и эволюционного подхода позволяет не только концентрировать внимание на основных «кирпичиках» инновационной системы, выявлять основные причинно-следственные связи (например, между ростом числа публикаций и числа патентов), но выявлять основные принципы организации инновационных систем и их элементов. Это подход контекстуален, он позволяет увидеть более обширный контекст проблемы, выявить внутренние и внешние факторы, основные алгоритмы

поведения системы, что с теоретической точки зрения представляет собой важное дополнение к аналитическому методу. В центре инновационной системы стоит, прежде всего, человек (ученый, предприниматель), деятельность которого характеризуется с одной стороны учетом неформальных институтов, а с другой стороны - реакцией на формальные институты. В результате действия институциональных рамок формируются типичные алгоритмы поведения субъектов инновационного развития. Если данные алгоритмы обеспечивают *возможности* для творчества, обучения и работы с оборудованием, реализации идей, получения кредита, инкубирования, прототипирования, внедрения новых организационных принципов и т.п., то это означает, что существуют стимулы к инновациям. В противном случае следует констатировать отсутствие стимулов к осуществлению инновационной деятельности. В такой постановке проблемы инновации есть результат имеющихся возможностей, доступных алгоритмов поведения.

Системно-институциональный подход обращает дополнительное внимание на важность поощрения самоорганизации субъектов инновационных систем, исходя из предположения о том, что инновационная система склонна к обучению и саморазвитию, выработке концепций более совершенных институциональных альтернатив. Любые попытки ограничения самоорганизации означают затрудненность эффективного строительства формальных и неформальных институтов субъектами инноваций, что приводит к выбору неоптимальных институциональных альтернатив.

В следующих главах представляется целесообразным проанализировать дополнительно роль неформальных институтов в инновационном развитии и проблему институциональных изменений, которые не всегда учитываются при проведении инновационной экономической политики.

4. Неформальные институты в роли ограничений для инновационной экономической динамики

Некоторые институциональные барьеры инновационного развития могут быть устранены в относительно короткий исторический срок. Между тем

существует значительно более инертная составляющая институциональной системы, которая, как представляется, может изменяться, но изменяться достаточно медленно – с замещением в обществе поколений. Эта составляющая институциональной системы представлена **социокультурными и религиозными факторами**.

Реализация стратегий модернизации, а также других инструментов инновационной политики нередко наталкивается на препятствия в виде существующих неформальных институтов: качество государственного управления, условия для ведения бизнеса, уровень экономических свобод, уровень коррупции и другие составляющие инвестиционного климата по крайней мере отчасти зависят от состояния социокультурных факторов, **социокультурной среды**.

Взаимосвязи между институтами и культурой, а также роли культуры в экономическом развитии, в том числе в институциональных изменениях, посвящены работы ученых разных направлений экономической мысли.

Со временем, исследуя особенности модернизации, политической демократизации и т.д., экономисты стали все более активно обращаться к культурным факторам. При этом в научном мире наметилось разделение на тех, кто видит в культуре «главный (хотя и не единственный) и часто препятствующий фактор социального, политического и экономического развития, и их противниками, отстаивающими традиционные трактовки: о приоритетной роли личной выгоды – среди экономистов, рационального выбора – среди политологов, неореализма – среди «международников»³¹.

Дуглас Норт называл культурные убеждения и идеологию «строительными лесами» для институтов³², имея в виду, что человеческое поведение (вообще и экономическое в частности) в основном обусловлено культурой. Следовательно, обратившись к изучению культуры, можно объяснить свойства тех или иных институтов в обществе.

А. Грейф в ряде своих работ также неоднократно указывал (а также иллюстрировал свою точку зрения примерами из экономической истории³³) на

³¹ Хантингтон С. Предисловие. Культура – это серьезно. / Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 10-11.

³² North, Douglass C. 2005. *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton: Princeton University Press.

³³ См., например, Greif, Avner. 1994. «Cultural Beliefs and the Organization of Society: a Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies». *Journal of Political Economy* Vol. 102, No. 5 (Oct.), p. 912-950.

важность метаправил, без которых невозможно полноценное функционирование институтов как правил.

Важную роль исследования культуры занимают в эволюционной экономической теории.

Экономисты, придерживающиеся дарвиновского подхода³⁴, склонны рассматривать культурные изменения с точки зрения «естественного отбора»: в обществе происходит воспроизводство в относительно больших размерах тех групп, которые проявляют определенные культурные характеристики, улучшающие адаптацию к обществу и связанные с экономическим ростом. Хотя эта теория дает достаточно правдоподобное объяснение процессу культурных изменений, она в то же время практически не учитывает влияния окружения на формирование системы взглядов и способов поведения человека, отводя ведущую роль влиянию родителей как носителей культурного «генотипа». Кроме того, в рамках данного «биологического» подхода культурные изменения, как и эволюционные изменения в природе, занимают весьма длительное время.

Идею культуры как «генотипа» развивает Дж. Мокир³⁵, для которого культура – это информация, ДНК общества, тогда как поведение (в частности, экономических агентов) – это «фенотип», т.е. внешнее выражение внутренних убеждений. Однако автор призывает к осторожному использованию данной аналогии, т.к. связь между культурой и поведением не такая прямая и однозначная, как может показаться на первый взгляд. Кроме того, Мокир использует «генетическую» модель при объяснении процесса отбора убеждений, обращаясь к понятию плейотропии: новые взгляды и способы поведения с большей вероятностью станут частью системы убеждений человека, если в ней уже имеются похожие убеждения (т.е. подобные убеждения обычно встречаются вместе). «Естественный отбор» в культуре, согласно Мокиру, происходит одновременно на трех уровнях: выбор культурных элементов, подбор индивидов, имеющих эти черты, и отбор обществ, в которых такие индивиды широко распространены.

³⁴ Galor, Oded and Moav, Omer. 2002. «Natural Selection and the Origins of Economic Growth». *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 117, No. 4 (Nov.), p. 1133–1191; Clark, Gregory. 2007. *A Farewell to Alms*. — Princeton: Princeton University Press.

³⁵ Мокир Дж. Культура, институты и экономический рост. Prepared for the Conference: Understanding Institutions and Development Economics: the Legacy and Work of Douglass C. North, St. Louis, Nov. 4–6, 2010.

По Мокиру, культурные (а, следовательно, и институциональные) изменения зависят от сочетания среды («культуры инноваций») и «культурных предпринимателей»³⁶. Изменение культурного ландшафта зависит от того, способны ли данное поколение (т.е. достаточное количество людей в нем) воспринять новые идеи, которые в культурной среде как в генотипе существуют априори. Восприятие и продвижение этих идей происходит через «культурных предпринимателей». Прогресс за счет нововведений возможен в тех обществах, где культура динамична в том смысле, что культурные авторитеты (эксперты, люди, имеющие влияние в обществе) сталкиваются с конкуренцией. В данном случае можно провести аналогию с шумпетерианскими новатором в контексте «созидательного разрушения». Как полагает Мокир, изучение феномена культурных предпринимателей как ключевого фактора культурных изменений может быть полезно для понимания Промышленной революции и предшествующего ей Промышленного просвещения, которые определили большую часть мировой экономической истории в последние столетия. Тем не менее, одних только культурных предпринимателей для продвижения инноваций недостаточно, необходимый эффект дает сочетание последних с соответственно развитой культурой нововведений (отношение к науке и технологии, толерантность и т.д.).

Институциональный подход Р.Камерона основывается на убеждении, что «взаимодействие населения, ресурсов и технологии в экономике определяется социальными институтами, которые включают в себя также ценности и взгляды людей. (Этот комплекс переменных иногда называют «социокультурным контекстом» или «институциональной матрицей» экономической деятельности.) На макроуровне (например, на уровне национальной экономики) чаще всего рассматриваются такие институты, как социальная структура общества, природа государства и политического режима, идеологические и религиозные убеждения доминирующих групп или классов и основной массы населения (если между ними есть различия). Кроме того, может возникнуть необходимость учитывать множество институтов более низкого уровня, таких как добровольные ассоциации (деловые компании, профессиональные союзы, фермерские группы), система образования и

³⁶ Там же.

даже структура семьи (родовой или атомарной) и механизмы, ответственные за формирование индивидуальных и общественных ценностей»³⁷.

Институциональная модель, в которой реализуются экономические отношения, помимо формальных институтов, включает стереотипы образа жизни, стереотипы и структуру потребления, нормы и образцы социального взаимодействия хозяйствующих субъектов, ценностно-мотивационное отношение к труду, богатству, меру интенсивности освоения экономического пространства, т.е. все то, что определяется термином хозяйственная культура.

По мнению ряда ученых, в основу изучения процессов модернизации должно быть положено исследование становления и развития *рационального мировоззрения* в обществе. Такая позиция основана на концепции М.Вебера о роли рационального хозяйственного поведения, рациональной государственной политики и рационального судопроизводства в становлении западноевропейского капитализма. Между тем, переход от традиционного менталитета и коллективистского стиля мышления к рациональному не означает полного отказа от них³⁸.

В качестве исходного пункта модернизации Западной Европы часто называется появление предпринимательского духа в XVI-XVII вв., что связывают как с характеристиками менталитета, влиянием религии и другими факторами социокультурной среды, так и с чисто экономическими причинами (поиск новых ресурсов в связи с исчерпанием имеющихся³⁹). Модернизационную активность США в определенной степени можно объяснить распространением доктрины «*self-made-man*», сыгравшей колоссальную роль в консолидации общества и развитии его инновационного потенциала.

Относительно трудовой этики, долгое время в России, по мнению социологов, преобладал так называемый «традиционно-минималистский» тип в противовес «буржуазно-максималистскому», что означает ориентацию на удовлетворение традиционных и весьма ограниченных потребностей человека.

В то же время, говоря о России, невозможно обойти стороной влияние «имперской идеи»: материальное поддержание статуса мировой державы в ходе соревнования с развитыми странами вылилось во вложении значительных объемов

³⁷ Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 22.

³⁸ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 171.

³⁹ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб., 1998. С. 114.

государственных средств в некоторые отрасли экономики, считавшиеся основами развития страны и обеспечивавшие прочность государственного устройства, в ущерб развитию частного потребления и интересам малого бизнеса. Высокую роль централизованного управления и, соответственно, государства в экономике исторически предопределяли такие факторы, как: большие размеры государства, параллельное существование как вполне современных, так и практически средневековых типов хозяйствования, низкий уровень грамотности населения, слабое знание и владение профессиональными навыками управления в низшем и среднем слоях чиновничества в значительной степени⁴⁰.

В экономической теории существует ряд концепций, объясняющих механизм, посредством которого культура влияет на экономические показатели. В первую очередь в качестве такого «связующего звена» обычно называются доверие и кооперация, а также готовность воздержаться от оппортунистического поведения⁴¹.

В целом, механизмы влияния культуры на экономическое развитие можно разделить на три категории:

1) влияние через социальный капитал (выше упомянутые доверие, кооперация, значимость репутации, готовность сотрудничать, религия в качестве стимула к кооперативному поведению и т.д.);

2) влияние через человеческий капитал (например, бережливость, трудолюбие, индивидуализм/коллективизм и т.д.)⁴²;

3) влияние через культурный капитал: общественные ценности, картина мира, идеология, представления об успехе и т.д.

Уровень доверия, способность к кооперации, значимость репутации также определяют возможность сотрудничества людей друг с другом в общественных проектах и общем управлении. Это создает *ресурс самоорганизации, позволяющий*

⁴⁰ Проскурякова Н. «К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв.». М., Изд-во МГУ, 2005.

⁴¹ Zak, Paul J. and Knack, Stephen. 2001. «Trust and Growth». *The Economic Journal*, Vol. 111, No. 470 (Apr.), p. 295–321; Tabellini, Guido. 2008. «Institutions and Culture (Presidential Address)». *Journal of the European Economic Association* Vol. 6, Nos. 2–3 (April-May), p. 255–294; Guiso, Luigi, Sapienza, Paola and Zingales, Luigi. 2006. «Does Culture Affect Economic Outcomes?» *The Journal of Economic Perspectives*, Vol. 20, No. 2 (Spring), p. 23–48.

⁴² На эту тему создана масса научной литературы, в качестве примера можно привести работы McCloskey, Deirdre. 2006. *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. — Chicago: University of Chicago Press; McCloskey, Deirdre. 2010. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. — Chicago: University of Chicago Press; Doepke, Matthias and Zilibotti, Fabrizio. 2008. «Occupational Choice and the Spirit of Capitalism». *Quarterly Journal of Economics* Vol. 123, No. 2 (May 2008), p. 747–793; Gorodnichenko, Yuriy and Roland, Gerard. 2011. «Culture, Institutions and the Wealth of Nations». Unpublished working paper, University of California, Berkeley.

решать различные экономические задачи эффективнее, чем это бы делало государство. Кроме того, различные формы участия общества в реализации экономической политики (либо в решении текущих вопросов экономического характера) открывают широкие возможности для инноваций.

Важной предпосылкой для инновационного развития, которая относится к совокупности социокультурных факторов, служит толерантность как свойство культурной среды. Толерантность определяет *разнообразие идей* и существующие возможности для их воплощения. Чем в целом толерантнее общество, тем меньше препятствий встречают на своем пути «культурные предприниматели», которые являются двигателями инноваций. Мокир⁴³, например, указывает на значение проявления терпимости к представителям еврейской общины, сектантам или различным религиозным группам, как это происходило в Нидерландах XVII века, в США позднее, в Великобритании в период Промышленной революции, когда указанные группы играли заметную роль в экономическом развитии. К этому можно добавить пример из отечественной истории: известные хозяйственные успехи староверов приобретали ещё более впечатляющие размеры в периоды ослабления гонений на них. Роль толерантности особенно высока в том случае, если государство нуждается в высококвалифицированных специалистах и проводит политику по их привлечению.

Связь между экономическим ростом и человеческим развитием также неоднократно подчеркивалась в научной литературе. Например, согласно одному из исследований⁴⁴, те страны, которые отдают приоритет экономическому развитию в ущерб развитию человеческого капитала, проигрывают, тогда как страны с хорошим человеческим капиталом и не высокими показателями экономического развития имеют больше шансов на успех в долгосрочном периоде. Таким образом доказывается приоритетность вложений в *человеческий капитал*. Данный вывод находит подтверждение в исследовании М. Краколичи с соавторами⁴⁵: человеческий капитал не дает отдачи в виде экономического роста немедленно в статике, но в динамике положительным образом влияет на качество жизни в целом и экономическое развитие в частности.

⁴³ Мокир Дж. Культура, институты и экономический рост. С. 48.

⁴⁴ Suri T., Boozer M.A. & Ranis G., Stewart F. Paths to Success: The Relationship Between Human Development and Economic Growth. // World Development Vol. 39, No. 4, pp. 506–522, 2011.

⁴⁵ Cracolici M.F., Cuffaro M., Nijkamp P. The Measurement of Economic, Social and Environmental Performance of Countries: A Novel Approach. 2009. Pp. 339-356

Исследования человеческого капитала во взаимосвязи с экономическим ростом касаются как макро-, так и микроуровня. Например, инновационная культура в организации предполагает не только наличие креативности, но и, главным образом, инициативность⁴⁶. Среда должна поддерживать инновации, иначе креативность не превращается в инновации, и более того, негативным образом отражается на качестве.

Американский экономист Ричард Флорида приходит к выводу о том, что современная экономика развивается в основном благодаря *человеческой креативности*, которая превратилась в «*основной источник конкурентного преимущества*».⁴⁷

Согласно позиции Дж. Коулмэна⁴⁸ в формировании человеческого капитала принимает активное участие социальный капитал, поскольку первый является одной из его важнейших составляющих. Для ведения успешных коллективных действий крайне важна степень доверия членов общества друг другу. Опыт эффективного и взаимовыгодного взаимодействия закрепляется в нормах поведения, что приводит к его масштабированию в целях развития общества. Дж. Коулмэн и Р. Патмэн⁴⁹ в своих работах использовали понятие «социальный капитал» поскольку считали, что принятые нормы социального поведения, как и физический капитал, способны повышать или понижать своими характеристиками конкурентоспособность экономики в мировом масштабе.

Вопросы, относящиеся к человеческому и социальному капиталам, культурной среде, нередко пересекаются в исследованиях, что объясняется высокой степенью взаимозависимости между различными их характеристиками. Например, исследование Н. Лебедевой, Е.Осиповой и Л.Черкасовой обращается к взаимосвязи между ценностями и социальным капиталом и отношением к инновациям⁵⁰. Если к социальному капиталу в данном случае относятся уровень доверия, толерантность,

⁴⁶ Miron E., Erez M., Naveh E. Do Personal Characteristics and Cultural Values that Promote Innovation, Quality, and Efficiency Compete or Complement Each Other? // Science, Technology and the Economy Program (STE) Working Papers Series STE-WP-19-2003. 42 p.

⁴⁷ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика — XXI, 2005.

⁴⁸ Coleman J. S. «Social Capital in the Creation of Human Capital». American Journal of Sociology, 1988, Vol. 94. <http://www.socialcapitalgateway.org/content/paper/coleman-j-s-1988-social-capital-creation-human-capital-american-journal-sociology-94-s>

⁴⁹ Putnam R. with Leonardi R. and Nanetti R. «Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy». Princeton, NY: Princeton University Press, 1993. <http://press.princeton.edu/titles/5105.html>

⁵⁰ Lebedeva N., Osipova E., Cherkasova L. Values and Social Capital as Predictors of Attitudes Towards Innovations.// Working paper. Series: Sociology, WP BRP 10/SOC/2012. 28 p.

то ценности (здесь, в первую очередь, «открытость к изменениям») и отношение к инновациям относятся к социокультурной среде. Согласно результатам исследования, существует положительная корреляция между открытостью к изменениям и позитивным отношением к инновациям, а также между характеристиками социального капитала и позитивным отношением к инновациям. Полученные выводы позволяют утверждать, что при планировании и проведении инновационной политики необходимо учитывать контекст, характеристики социокультурной среды, в которой происходит инновационный процесс. Кроме того, изучение психологии инновационной деятельности требует изучения индивидуальных и социокультурных характеристик в их взаимодействии друг с другом.

В другой работе, посвященной ценностям и отношению к инновациям⁵¹, выявлены различия данных параметров между канадскими, китайскими и российскими студентами. В целом, китайские студенты более консервативны, чем канадские и российские. Также в китайской культуре более значимы ценности традиционализма, тогда как канадская и русская больше тяготеют к модернистским ценностям. Отличия прослеживаются и в отношении к инновациям: у российских и канадских студентов оно, в целом, более позитивно.

В инновационный процесс, наряду с организационно-экономическими, обязательно входят и социокультурные условия нововведения⁵². Для того чтобы заработала инновационная экономика, должны изменяться ценностные приоритеты, создаваться новые социально-экономические институты.⁵³

Т.И. Заславская выделяет четыре относительно самостоятельных элемента человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный. «Социокультурный потенциал государства отражает уровень образования населения и особенности национального менталитета, влияющие на развитие общества. Это прежде всего характер нормативно-ценностного сознания, особенности политических убеждений и верований, уровень

⁵¹ Lebedeva N., Schmidt P. Values and Attitudes Towards Innovation Among Canadian, Chines and Russian Students.// Working paper. Series: Sociology, WP BRP 04/SOC/2012. 31 p.

⁵² Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в социальном контексте. М.: Наука, 2004.

⁵³ Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. Т. 3. № 2. С. 16-26.

морали и нравственности, типы мотивационного комплекса и способы поведения людей»⁵⁴.

Исследователи в области кросскультурной психологии и смежных дисциплин указывают на то, что базовые ценности культуры влияют не только на экономическое развитие, здоровье и ощущение счастья, но и на творческую активность личности.⁵⁵

В настоящее время в психологии наиболее популярным подходом к исследованию доминирующих в обществе ценностей является подход Ш. Шварца⁵⁶. Шварц, основываясь на результатах многочисленных исследований, сгруппировал ценности в десять типов мотивации: власть, достижение, гедонизм, стимуляция (ценность разнообразия, новизны), самостоятельность, универсализм (равное восприятие «своих» и «чужих»), благожелательность, традиция, конформность, безопасность⁵⁷.

В России широко известны исследования институциональной среды Е.Г. Ясина, который анализирует такие качества институционального устройства, как свобода творчества; свобода предпринимательства; высокий уровень образования; наука; индустрия инноваций; социальный капитал, доверие⁵⁸; А.А. Аузана⁵⁹, в основе исследований которого лежат работы Инглхардта, Шварца и др.

Экономическая трансформация и модернизация – сложный процесс, который, однако, может происходить по двум основным вариантам. Первый был описан в контексте эволюционной теории. Он предполагает, что трансформация является

⁵⁴Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 170.

⁵⁵ Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*, 2000, v. 65. P. 19–51; Shane S., Venkataraman S., Mac-Millan I. Cultural Differences in Innovation Strategies // *Journal of Management*, 1995, v. 21, № 5. P. 931–952; Shane S. Why Do Some Societies Invent More Than Others? // *Journal of Business Venturing*, 1992, № 7. P. 29–46; Triandis H.C. *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994.

⁵⁶ Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, v. 53. P. 550–562; Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross Cultural Replications // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, v. 58. P. 878–891.

⁵⁷ Schwartz S.H., Bilsky W., 1987; Schwartz S.H., Bardi A. Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, v. 32. P. 268–290; Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // *Психологический журнал*, 2001, т. 22, № 3. С. 26–36.

⁵⁸ См., например, Ясин Е.Г. «Модернизация и общество». М., «Вопросы экономики», № 5, 2007.

⁵⁹ Аузан А., "Национальные ценности и модернизация", М.: ОГИ; Полит.ру, 2010; Аузан А., "Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы", *Журнал Новой экономической ассоциации* №7, 2010

естественным результатом постепенных эволюционных недискретных изменений, происходящих в обществе. Второй вариант, представленный странами «догоняющего» развития, характеризуется проводимыми государством реформами, запускающими трансформацию.

Модернизация затрагивает всю систему общественных отношений и предполагает комплексное применение культурных форм, средств и способов, которые способствуют вовлечению человека в этот процесс и соответствуют его интересам⁶⁰.

Многие исследователи указывают на то, что в политической жизни России, которая в свою очередь в значительной степени определяется культурными установками, существует множество архаичных элементов. По мнению А. Чириной, значительная часть населения «явно тяготеет к патерналистскому государству и не принимает цивилизационно назревшее арбитражное»⁶¹, т.е. не ощущает себя субъектами социально-экономических отношений, действующими для реализации своих интересов. В этой связи такие ценности, как частная собственность, правовое государство являются достаточно абстрактными и не усвоенными, поскольку отсутствуют «*деятельностная ориентация личности, психология рационального оптимизма и предпринимательских традиций*».

А. Чирина особо подчеркивает, что процессы так называемой неорганической, формальной модернизации лишь способствуют усилению социокультурного раскола. Это происходит вследствие того, что модернизационные процессы происходят в узкой области социокультурного пространства – там, где население наиболее восприимчиво к социальным трансформациям (европеизированная верхушка общества, столицы и крупные города, индустриально развитые регионы, отдельные отрасли науки и производства, выступающие катализаторами инновационных процессов в социокультурном пространстве, и т.д.).

Важно отметить, что технологическая модернизация не способна решить проблему модернизации в широком смысле, т.к. она подразумевает под собой не только инновации в сфере производства, но и «современного человека», которого

⁶⁰ Пономарева О.А. Мультикультурная парадигма в социально-экономической модернизации России. // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всероссийской научной конференции/ Саранск: Изд. центр Ист.-социологического ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2007. С. 299.

⁶¹ Чирина А.А. Феномен архаизации в структуре социально-экономической модернизации России. / Там же, с. 311- 324.

отличает «интерес ко всему новому, готовность к изменениям, разнообразие взглядов, ориентация на информацию, серьезное отношение ко времени и к его измерению, эффективность, планирование эффективности и времени, личное достоинство, партикуляризм и оптимизм»⁶².

Именно поэтому для успеха модернизации необходимо развитие культуры, ценностей, которое создавало бы адекватные предпосылки для инновационного развития. Готовые модели социального развития не возымеют эффекта, если не учтен социокультурный аспект, пределы и возможности объекта модернизации.

Е.Б. Ерасов видит недостаток российских модернизаций «в слабой цивилизационной основе, в отсутствии *срединной культуры и отсутствия консенсуса в обществе*».⁶³ Социокультурный раскол между традиционной и модернизированной частями общества является серьезным препятствием для инновационного развития в России. Поэтому данный вопрос заслуживает первоочередного внимания.

Далее рассмотрим подробнее влияние факторов, связанных с **религией**, на экономический рост инновационное развитие.

В настоящее время известны как минимум два механизма влияния религии на экономический рост⁶⁴.

Первый механизм заключается в формировании на основе религиозной принадлежности противоборствующих групп специальных интересов, проявляющих ярко выраженное рентоориентированное поведение, проводящих политику nepотизма и патрон-клиентских отношений. Исследование Х.Монталвы и М. Рейнал-Кероля⁶⁵ о религиозной поляризации показывает, что издержки для общества и социальная напряженность наиболее высоки, если население разделено на две разделяемые по религиозному признаку группы, равные по величине. Отметим, что кристаллизация противоборствующих групп может происходить не только на религиозной основе.

Второй механизм заключается в формировании религией некоторых установок, способствующих ограничению антиобщественного по своему характеру

⁶² Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 45.

⁶³ Ерасов Б.С. Алгоритмы российских модернизаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovo.netda.ru/kss_text/010418kss.htm

⁶⁴ П.Н. Павлов. Влияние религии на экономический рост // Институциональные ограничения экономической динамики: Монография / Под. ред. В.Л. Тамбовцева. М.: ТЕИС, 2009. С. 251-262.

⁶⁵ J.G. Montalvo, M. Reynal-Querol // Economics Letters 80 (2003). 201–210.

поведения за счет формирования представлений о сверхъестественном гаранте, налагающем за подобное поведение определенные санкции. Уменьшение количества индивидов, действующих в антиобщественной манере, способствует увеличению темпов роста экономики. При этом, как показывают некоторые исследования, ключевое значение имеет сила религиозных убеждений: так в работе Р. Макклири и Р. Барро⁶⁶ делается вывод о том, что экономический рост, при прочих равных, положительно связан с глубиной/силой религиозных убеждений и отрицательно - с количеством времени, потраченного на посещение религиозных служб, церкви. Поскольку посещение религиозных служб связано с расходом времени, то оно сопряжено с несением альтернативных издержек. Подобное времяпровождение может нести инвестиционную составляющую (при формировании сильных религиозных убеждений), либо представлять собой потребительское расходование ресурса времени.

Далее обратимся к результатам исследований, посвященных взаимосвязи религии не только с экономическим ростом в целом, но и с инновационным развитием в частности: в ряде исследований показано, каким образом религиозные факторы могут воздействовать на процесс накопления человеческого капитала, стимулировать или дестимулировать участие в предпринимательской деятельности.

Роль человеческого капитала как фактора инновационного экономического развития в настоящее время в экономической литературе оценивается весьма высоко: при этом традиционно фокус внимания обращен на роль систем образования и науки. Но необходимо учитывать, что на отдачу от инвестиций в человеческий капитал влияет и продолжительность периодов нетрудоспособности, когда накопленный человеческий капитал продуктивно использоваться не может. Улучшение качества работы системы здравоохранения способствует повышению отдачи от инвестиций в человеческий капитал. Медицинские эпидемиологические исследования⁶⁷ показывают, что у представителей строгих религиозных конфессий и сект (мормоны, адвентисты седьмого дня и др.) наблюдается более высокая продолжительность жизни, реже встречаются инсульты, гипертония, болезни сердца, рак. Исследователи связывают это с тем, что представители строгих конфессий и

⁶⁶ McCleary R.M., Barro R. Religion and Economy // Journal of Economic Perspectives. 2006.

⁶⁷ Levin JS, Vanderpool HY. Is frequent religious attendance really conducive to better health? Toward an epidemiology of religion. Social Science & Medicine. 1987; 24(7):589–600. Levin JS, Religion and health: Is there an association, is it valid, and is it causal? // Social Science & Medicine, Volume 38, Issue 11, Pages 1475-1482.

сект ведут более здоровый образ жизни, отказываясь от поведения, которое исповедуемая ими религия ограничивает или запрещает. Это касается, например, употребления алкоголя, наркотиков, табака, другого поведения, потенциально влияющего на состояние здоровья.

В работах Кристофера Эллисона⁶⁸ показано, что высокий уровень религиозности связан со снижением стресса, повышением удовлетворенности жизнью и психическим здоровьем: влияние религии фиксировалось после учета таких факторов, как: возраст, уровень доходов, уровень образования, пол, расовая принадлежность, брачный статус, душевные травмы детства, место проживания, социальные связи.

Работа Д. Одрича и др.⁶⁹ посвящена изучению влияния типа религии на вероятность принятия индивидом решения о занятии предпринимательской деятельностью. Исследование проводилось на основе данных по Индии, предоставленных *National Sample Survey Organization*. Сведения об исповедуемой индивидом религии и его предпринимательском статусе взяты из 60-й волны исследования *Employment - Unemployment Survey* (2004 год).

В выборку были включены респонденты в возрасте старше 15 и моложе 70 лет, принадлежащие к одной из следующих категорий: предприниматели, наемные работники, сезонные работники, безработные. В выборку вошло порядка 83 тысяч человек, из них: индуисты 79%, мусульмане 11.2%, христиане 5.6%, сикхи 1.4%, джайны 0.3%, буддисты 1%, представители других религий и атеисты 1.1%.

Анализ влияния типа исповедуемой религии на вероятность участия индивида в предпринимательской деятельности проводился авторами работы на основе пробит-модели множественного выбора. В сравнении с категорией индуистов, принятой авторами за базовую, принадлежность к исламу повышает вероятность приобретения статуса предпринимателя на 7.9%, к христианству – на 2.9%, к джайнизму – на 27%. Для категории представителей других религий и атеистов, вероятность стать предпринимателями на 13.4% выше, чем у категории индуистов.

⁶⁸ Ellison, Christopher G. 1991. "Religious Involvement and Subjective Well-Being." *Journal of Health and Social Behavior* 32: 80-99. Ellison, Christopher G. 1994. "Religion, the Life Stress Paradigm, and the Study of Depression." Pp. 78-121 in *Religion in Aging and Health: Theoretical Foundations and Methodological Frontiers*, edited by Jeffrey S. Levin. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

⁶⁹ David B. Audretsch & Werner Boente & Jagannadha Pawan Tamvada, 2007. "Religion and Entrepreneurship," *Jena Economic Research Papers 2007-075*, Friedrich-Schiller-University Jena, Max-Planck-Institute of Economics.

Картина для индивидов, исповедующих буддизм и сикхизм, получена приблизительно такая же, как для представителей индуизма.

Итак, исследования, представленные в данном разделе, демонстрируют значимость неформальных институтов, их роль в стимулировании или ограничении потенциала проявления факторов инновационного экономического развития. Изменения неформальных институтов, как правило, представляют собой более длительный и сложный процесс, чем изменения формальных институтов: игнорировать их действие нецелесообразно, поскольку некоторые страны, как представляется, на определенном этапе развития могут подойти к постановке задач, включающих в себя создание условий для разворачивания долгосрочных позитивных трендов – если не в области действия религиозных факторов, то в области действия факторов социокультурных.

В развитие основных высказанных идей о важности неформальных институтов отметим высокую практическую сложность эффективного заимствования («пересадки») зарубежных экономических институтов в том случае, если они вступают в противоречие с надконституционными (базовыми, доминантными) социокультурными и религиозными институтами, которые считаются свойственными некоторому обществу.

Встраиваемость института в действующую институциональную среду определяется тем, насколько эффективно может быть обеспечено действие/функционирование гаранта некоторого правила: т.е. необходимо вначале сформировать условия для эффективной работы гаранта в качестве предпосылки для эффективной работы импортируемого института. Априори заявлять о будущем отторжении или успешном встраивании некоторого института в действующую систему правил, исходя из степени его соответствия некоторым базовым институтам все-таки, не вполне, на наш взгляд, корректно. Институциональные реформы различного уровня сложности могут быть проведены, однако, камень преткновения состоит в величине издержек, с которыми общество сможет обеспечить эффективность работы механизмов гарантирования заимствуемых (или вновь конструируемых) правил.

На наш взгляд, в процессе поиска возможности синтеза элементов традиционности и современности, необходимо учитывать, что инновационное

развитие практически всегда подразумевает под собой *социальную модернизацию*, выраженную в той или иной степени.

5. Институциональные изменения как механизм преодоления институциональных барьеров инновационного развития, роль государства

Поскольку институциональные барьеры инновационного развития генерируются соответствующими формальными и неформальными институтами, то естественным звеном в исследовании способов преодоления институциональных барьеров является обращение к механизмам эволюции либо проектирования институтов – то есть механизмам **институциональных изменений**.

Согласно трактовке Д. Норта⁷⁰ процесс институциональных изменений развивается поэтапно, последовательно, при этом наблюдаются следующие события:

- изменение в уровне знаний общества вследствие научно-технического прогресса и/или инновационной активности предпринимателей приводит к появлению новых технологий использования ограниченных экономических ресурсов;
- появление новых технологий ведет к изменению относительных уровней цен на ограниченные экономические ресурсы;
- владельцы потенциально возрастающих в стоимости ресурсов приобретают стимулы к трансформации прав собственности на них, прежде всего, это выражается в стремлении к спецификации прав собственности на такие ресурсы (с целью эффективно исключить иных экономических агентов из процессов безвозмездного их использования);
- спецификации прав собственности на экономические ресурсы дополняется формулированием и введением в действие - на основе механизмов политического рынка - правил (норм регулирования), которые позволяют максимизировать ценность использования новообретенных прав собственности;

⁷⁰ Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.

- попытки изменения действующих правил (норм регулирования) собственниками новых ресурсов (в форме прав собственности на ограниченные экономические ресурсы и прав на использование соответствующих технологий) наталкиваются на сопротивление на политическом рынке. В более общем случае данная ситуация рассматривается как следствие существования ненулевых транзакционных издержек политического рынка.

Таким образом, даже в том случае, если новая технология позволяет увеличить производительность хозяйственной системы, это еще не означает, что она может быть эффективно использована в случае недостаточной защиты (спецификации) прав собственности на ресурсы. Также это может произойти в случае противодействия собственников иных ресурсов, других групп специальных интересов каким-либо изменениям в формальной составляющей институциональной структуры, опосредующей взаимосвязи и взаимодействия между экономическими агентами.

В целом, трактовка институциональных изменений Д. Норта представляется нам оптимистической, поскольку автор в неявной форме предполагает, что несмотря на возможное сопротивление со стороны ряда групп экономических агентов, вводимые вновь правила ориентированы, как правило, на повышение конкурентоспособности хозяйственной системы, на внедрение более эффективных технологий, чем те, что существуют на данном этапе развития.

Наблюдаемость институциональных барьеров инновационного развития подталкивает к идее о том, что такие барьеры могут не только являться наследием предшествующего этапа развития хозяйственной системы, теоретически они могут формироваться и в настоящее время, причем формироваться *целенаправленно*. Необходимо подчеркнуть, что функционирование институтов всегда сопровождается *распределительными* эффектами. А это означает, что целенаправленно могут формироваться и поддерживаться институты, которые, с одной стороны, обеспечивают их создателям и «операторам» поток рентных доходов, а с другой стороны, - снижают функциональную эффективность факторов инновационного развития.

В данном контексте целесообразно упомянуть о ветви исследований в экономической литературе, посвященной *административным барьерам*⁷¹.

Для того, чтобы определить понятие административных барьеров, исследователи обращаются к описанию воздействия экономических правил на хозяйственную деятельность. Могут быть выделены три категории правил:

(а) *стимулирующие приращение* стоимости в экономике за счет предписания широкому кругу экономических агентов оптимальных способов использования ограниченных ресурсов;

(б) *стимулирующие перераспределение* создаваемой в экономике стоимости, но не порождающие своим действием прироста объема транзакционных издержек в экономике (за исключением минимума, необходимого для организации самого процесса перераспределения);

(в) *дестимулирующие приращение* стоимости в экономике: путем эксплицитного запрета эффективных/оптимальных направлений использования ограниченных ресурсов, либо за счет введения избыточного объема административного (регуляторного) бремени.

Как указано в работе Аузана А.А. и др.⁷², более детальное представление о сути административных барьеров дает «характеристика правил по соотношению частных издержек экономических агентов, которые должны выполнять правила, и социальных издержек их выполнения», а также соответствующих частных и общественных выгод». По мысли авторов, возможны четыре различных сочетания упомянутых соотношений:

- 1.1. Частные издержки (PrC) превышают частные выгоды (PrB), общественные издержки (PC) превышают общественные выгоды (PB) ($PrC > PrB$, $PC > PB$).
- 1.2. Частные издержки не превышают частные выгоды, общественные издержки превышают общественные выгоды ($PrC \leq PrB$, $PC > PB$).
- 1.3. Частные издержки превышают частные выгоды, общественные издержки не превышают общественные выгоды ($PrC > PrB$, $PC \leq PB$).
- 1.4. Частные издержки не превышают частные выгоды, общественные издержки не превышают общественные выгоды ($PrC \leq PrB$, $PC \leq PB$).

⁷¹ Аузан А.А., Крючкова П.В. (ред.). Административные барьеры в экономике: институциональный анализ. М.: ИНП Общественный договор, 2002.

⁷² Там же.

Из числа приведенных выше альтернатив лишь правила, характеризующиеся соотношением выгод и издержек 1.4 не относятся к категории административных барьеров и, соответственно, не могут создавать препятствия инновационному развитию.

А правила, которые создают частные издержки, превышающие частные выгоды (тип 1.1 и 1.3) являются наиболее вероятными продуктами целенаправленных институциональных изменений, созданных по инициативе «операторов» административных барьеров.

Представляется, что любые институциональные изменения можно подразделять на *спонтанные*, которые формируются и получают распространение при отсутствии сознательно осуществляемых действий (в соответствии с неким замыслом или планом) - и *целенаправленные*. Рассмотрим отличия между ними более подробно.

Случайное отклонение от нормы может принести выгоды ее нарушителю. Если такое поведение не принесет значимого ущерба (не встретит противодействия) со стороны гаранта/гарантов правила, а также если знание о подобном явлении распространится среди членов группы, сообщества, то нарушение правила может начать воспроизводиться. Таким образом, формируется совершенно новый институт, процесс создания которого был осуществлен спонтанно.

Целенаправленные институциональные изменения разрабатываются и внедряются в соответствии с некоторым проектом, сознательно намеченным планом. Как правило, выработка такого плана осуществляется по инициативе государственных институтов (в законодательной или исполнительной ветвях власти), представителей оппозиции, прочих общественных организаций. Формирование целенаправленных институциональных изменений можно охарактеризовать также как *институциональное проектирование*⁷³.

Заметим, что можно выделить третий «смешанный» тип происхождения институциональных изменений, когда новое правило формируется и начинает применяться на первоначальном этапе спонтанно, а последующее его распространение осуществляется целенаправленно. В качестве примера можно привести удачную практику осуществления некоторого бизнес-процесса, которая

⁷³ См., например: В.Л. Тамбовцев. 1997. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. №3.

сформировалась спонтанно и приобрела затем широкое распространение при содействии деловых ассоциаций (курсы повышения квалификации, образовательные программы).

В целом, следует отметить также, что институциональное проектирование является одним из наиболее эффективных способов устранения институциональных барьеров инновационного развития, сложившихся как спонтанно, так и в результате осознанного проектирования. Данный способ является эффективным, если даже такое институциональное проектирование имело первоочередной целью формирование рентных потоков для соответствующих групп специальных интересов, а факторы сдерживания инновационного развития спродуцировало косвенно, в виде побочных эффектов.

Необходимо указать на важную особенность институциональных изменений: формальные правила можно изменить достаточно быстро, но нельзя столь же быстро изменить неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях, кодексах поведения. Неформальные институциональные ограничения достаточно устойчивы к сознательным целенаправленным попыткам воздействия.

Полагаем, что для дополнения представленного выше описания институциональных изменений не менее важным будет рассмотрение феномена *эффекта блокировки*. Понятие об эффекте блокировки институциональных изменений используется для объяснения довольно часто встречающихся в переходных экономиках (и не только переходных) явлений, когда институциональные изменения, связанные, например, с ликвидацией институциональных барьеров в сфере инновационной деятельности, а в более общем случае – способствующие созданию стоимости – не реализуются на практике.

Сущность эффекта блокировки состоит в том, что потоки рент, которые при сложившейся структуре институтов присваивают действующие в сферах экономики и/или политики организации, являются достаточными для того, чтобы быть инвестированными такими организациями в создание эффективных барьеров для изменения действующих правил.

Возможность блокировки институциональных изменений эксплуатируется общественными группами, заинтересованными в поддержании status quo. В целом, процесс создания и институционализации норм и правил может быть продиктован как стремлением субъекта принятия политических решений к минимизации

транзакционных издержек экономических агентов при совершении определенных действий, так и стремлением – в случае проявления эффекта блокировки - к их максимизации.

Методы обеспечения эффекта блокировки оптимальных институциональных изменений могут быть различными: от проведения публичных дискуссий с привлечением аргументов, затрагивающих особенности менталитета, социокультурных норм, до теневого лоббирования, подкупа представителей органов власти, способных инициализировать и довести до логического завершения эффективные институциональные реформы.

Потенциал проявления эффекта блокировки существенно возрастает в том случае, когда поток выгод в состоянии status quo преимущественно направлен в сторону действующих государственных служащих высокого уровня (представителей элиты).

Таким образом, для эффективного преодоления институциональных барьеров немаловажную роль играет возможность всестороннего освещения и обсуждения тех или иных законодательных, нормотворческих инициатив с привлечением представителей организаций и сообществ, которые являются адресатами регулирования, которые являются косвенными приобретателями побочных выгод или несут косвенные издержки в связи с исполнением обсуждаемых нормативных актов. Общественное обсуждение снижает вероятность умалчивания об эффективных институциональных изменениях, которые продиктованы интересами различных групп интересов. Однако развитие всех упомянутых процессов маловероятно в условиях отсутствия свободы слова, свободных СМИ, в условиях низкого уровня развития институтов гражданского общества и гражданской кооперации.

Институциональное равновесие (состояние отсутствия институциональных изменений) может быть, в частности, обеспечено наличием общественного консенсуса. Но нередко это состояние является следствием ситуации или такого состояния, при котором издержки смены, замещения, упразднения институтов для любого экономического агента, присутствующего в данной системе, превышают ожидаемые выгоды от осуществления подобного действия.

Остановимся на вопросе об условиях, благоприятных для осуществления институциональных изменений, направленных на ликвидацию барьеров

инновационного развития, в условиях сложившегося институционального равновесия, а также в условиях действия надежного эффекта блокировки.

Нормальный режим смены институтов, безусловно, является эволюционным. Полагаем, что в истории самых различных государств более 99% исторического времени обусловлено развитием институтов по эволюционному сценарию.

Согласно мнению представителей и последователей теории длинных волн экономической динамики (кондратьевских волн), периоды глубоких экономических кризисов являются «окнами возможностей» для перестройки институциональной системы общества⁷⁴. Такая точка зрения основывается, прежде всего, на двух положениях.

Во-первых, для каждой воспроизводственной системы существует комплекс институтов, которые в наибольшей степени позволяют раскрыть потенциал той или иной базовой технологии, на основе вариаций которой производится наибольшая величина добавленной стоимости в экономике.

Во-вторых, для отрасли, производящей наибольшую долю добавленной стоимости в экономике, естественно предполагать факт отражения интересов такой отрасли в представительном органе государственной власти.

Таким образом, создаваемые формальные институты, направленные на удовлетворение потребностей наиболее эффективных отраслей экономики (отрасль понимается как набор предприятий, производящий товары/услуги по определенной базовой технологии), в периоды стабильного экономического развития имеют невысокую вероятность изменения при прочих равных условиях. Напротив, в периоды экономических кризисов, если отрасль перестает демонстрировать свою экономическую состоятельность, то правила игры (правила производства и распределения) в экономике могут изменяться в пользу предприятий новых отраслей, производящих по новым технологиям – более эффективно, либо с учетом нацеленности на освоение новых рынков сбыта. Нередко новые отрасли формируют рынки сбыта, т.е. создают новый спрос. Таким образом, шансы преодоления эффекта блокировки в периоды экономических кризисов, возрастают.

⁷⁴ См., например: С. Perez. *Technological Revolutions, Paradigm Shifts and Socio-Institutional Change* Published in: Reinert, Erik (ed) *Globalization, Economic Development and Inequality: An alternative Perspective*, Edward Elgar Cheltenham, UK. 2004. Pp. 217-242.

Далее рассмотрим подробнее вопрос о роли государственных институтов с точки зрения осуществления институциональных изменений, снимающих основные барьеры инновационного развития. Полагаем крайне целесообразным с точки зрения выработки эффективных мер экономической политики и предотвращения создания институциональных барьеров инновационного развития различать: *государственное вмешательство, государственное регулирование и государственное присутствие (правопорядок)*.

По замечанию В.А. Мау⁷⁵, в том случае, если уровень и объем государственного вмешательства в экономику может рассматриваться как недостаточный, необязательно методом разрешения данной проблемной ситуации должно становиться экстенсивное увеличение масштабов государственного вмешательства: возможно дело состоит не в нехватке государственного вмешательства, а в *неспособности* государства обеспечить адекватное экономическое регулирование. Иными словами, решение проблемы может заключаться в том, чтобы изменить качественные характеристики работы государственных институтов, а не масштабировать (расходуя ограниченные ресурсы бюджета) неэффективные и/или устаревшие формы управления развитием экономической сферы.

Ответом на низкую результативность работы государственных институтов должно стать их реформирование, предложение новых (в том числе принципиально новых) инструментов экономической политики. Согласно концепции, представленной в работе В.Л. Тамбовцева⁷⁶, диапазон форм влияния государства на хозяйственную деятельность в экономике подразделяется на две группы:

- физическое воздействие, выражающееся в доле государственной собственности в экономике и доле перераспределяемого через бюджет ВВП;
- информационное («управленческое») воздействие.

Именно в рамках информационного воздействия на экономику, выделяют:

- государственное регулирование;
- государственное вмешательство;
- государственное присутствие в экономике.

⁷⁵ В. Мау. Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций // Вопросы экономики. № 2. 2011. С. 7.

⁷⁶ Тамбовцев В.Л. Теории государственного регулирования экономики: Учеб. Пособие. – М.: ИНФРА-М, 2010, С. 83-86.

Государственное регулирование представляет собой использование юридических инструментов для реализации целей социально-экономической политики государства. Отличительной особенностью деятельности по осуществлению государственного регулирования является выработка правил, предназначенных для *многократного* использования (применения каждый раз, когда экономические агенты, являющиеся адресатами правила, оказываются в ситуации, удовлетворяющей условиям применения данного правила).

Государственное вмешательство рассматривается как более широкая категория, которая включает в себя как деятельность по установлению регуляций долгосрочного характера, так и *разовые адресные решения*, предписывающие конкретным экономическим агентам совершение определенных действий.

Государственное присутствие в экономике представляет собой деятельность по защите и спецификации прав собственности, что способствует формированию у собственников ресурсов долгосрочных стимулов к эффективному использованию располагаемых ими ресурсов.

На эффективность механизмов государственного регулирования определяющее воздействие оказывает фактор государственного присутствия в экономике. При этом очевидно, что высокий уровень государственного присутствия в экономике, позволяя добиться повышения эффективности государственного регулирования, способствует также значительному повышению уровня деловой активности частного сектора экономики.

Особенно важным становится государственное присутствие является с точки зрения *малых инновационных компаний* – наиболее чувствительных к качеству институциональной среды. Заметим, что крупный бизнес (особенно отчетливо данный процесс можно заметить на примере транснациональных корпораций) выстраивает в общей структуре институциональных условий некий персональный *институциональный анклав*. Иными словами, правила игры, взаимодействия с контрагентами, конкуренции в одной и той же стране (юрисдикции) могут существенно отличаться для крупных компаний и сегмента малых и средних предприятий.

Итак, преимущества обеспечения полноценного государственного присутствия при снижающейся роли государственного вмешательства становятся очевидными при реализации следующих предпосылок:

- большая часть инноваций генерируется в частном секторе, инновационное развитие крупных компаний (в том числе государственных) в долгосрочном периоде зависит от уровня развития сегмента малых и средних инновационных компаний, которое в свою очередь определяется состоянием институциональной среды;
- инновационная деятельность требует осуществления специализированных (неперемещаемых в другие сектора с равной отдачей) долгосрочных инвестиций, например, инвестиции в совершенствование научно-технологической базы, как правило, носят долгосрочный характер, ключевым фактором их привлечения в экономику (из частных источников) является решение проблемы защиты прав собственности.
- обеспечение государственного присутствия (правопорядка, защиты прав собственности) способствует снижению уровня неопределенности экономической среды и, тем самым, полностью отвечает интересам частного сектора, получающего возможность эффективного долгосрочного планирования.

Что касается последовательности этапов выстраивания инновационной модели экономического развития, то при решении задачи по обеспечению первоначального импульса для запуска инновационной модели определяющую роль играют процессы государственного вмешательства и государственного регулирования. Связано это с тем, что мероприятия, реализация которых задает первоначальный импульс для запуска инновационной модели развития, как правило, финансируются из средств государственного бюджета, поэтому механизмы обеспечения государственного присутствия - особенно эффективные с точки зрения обеспечения инициатив частного сектора - на данном этапе не всегда попадают в фокус внимания субъектов выработки мер экономической политики.

Если на этапе запуска экономического роста действия механизмов *государственного вмешательства* может быть достаточно с точки зрения формирования кластера предприятий, использующих передовые технологии⁷⁷, то на этапе масштабирования результатов и переключения от политики поддержки

⁷⁷ Следует подвергнуть пристальному анализу саму возможность эффективной (нерасточительной) реализации данного типа проектов в условиях низкого уровня качества институтов.

заранее назначенных «национальных лидеров» к политике формирования среды, благоприятной для самостоятельного произрастания инновационных компаний, эффективным инструментом может быть только совершенствование правопорядка, обеспечение государственного присутствия.

В данном случае меры целевой государственной поддержки, реализуемые в отрыве от других возможных шагов экономической политики, если и будут иметь положительный эффект, то он будет краткосрочным. Условием долгосрочного устойчивого развития инновационных компаний является обеспечение правопорядка, эффективных институтов защиты прав собственности и сбалансированных механизмов разрешения спорных ситуаций между представителями отдельных хозяйствующих субъектов, между представителями государственных институтов и частных компаний (включая инновационные).

Работа в сфере обеспечения государственного присутствия является работой на перспективу, без завершения которой устойчивая модель инновационного развития сформироваться, судя по всему, не может.

6. Заключение. Выводы для экономической политики

Проведенная работа по анализу институциональных барьеров с точки зрения основных теоретических подходов к инновациям, фактора неформальных институтов, проблем институциональной динамики позволяет сделать ряд следующих выводов для экономической политики.

Во-первых, внешняя среда для развития инновационной системы является ключевой. В области совершенствования формальных институтов предлагается реализация экономической политики по переходу в режим открытого доступа. Указанный переход позволит создать основу для дальнейшего долгосрочного развития и проведения институциональных преобразований.

Во-вторых, необходимо проведение масштабных комплексных институциональных преобразований во всех секторах национальной инновационной системы.

В-третьих, необходимы меры по масштабированию участия снизу в институциональной трансформации. Данные меры позволят задействовать ряд

дополнительных факторов экономического развития – человеческий и социальный капитал, задействовать некоторые «спящие» неформальные институты (такие, как институт репутации), действие которых важно для обеспечения инновационного развития.

1. Переход к режиму открытого доступа (развитие базовых институтов)

К настоящему моменту одним из ведущих научных коллективов мирового уровня, работающих в области институциональной экономики⁷⁸, разработана концепция режимов *ограниченного* и *открытого* доступа. В сущности два указанных термина выполняют функцию разграничения институциональных режимов или систем, характерных для развивающихся стран (с низкими и средними подушевыми доходами) и стран развитых.

Авторы концепции подчеркивают, что все известные истории попытки механического воспроизведения характеристик институциональных систем развитых стран в странах развивающихся терпят поражение. Постепенно формируется консенсус в отношении следующего тезиса: развивающиеся страны должны стремиться к формированию системы сравнительно эффективного государственного управления (*good enough governance*), а не пытаться скопировать институты, характерные для порядка открытого доступа⁷⁹.

В то же время авторы указывают на тот факт, что логика выстраивания институционального развития в режимах открытого и ограниченного доступа должна быть разной. Внедрение некоторых современных западных институтов, которое может свободно осуществляться в режимах открытого доступа, в режимах ограниченного доступа вызывает серьезное сокращение рент для части элит (групп специальных интересов) при отсутствии каких-либо компенсаций, что влечет за собой наглядное сильнейшее проявление эффекта блокировки институциональных реформ.

⁷⁸ Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: доклад к XIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

⁷⁹ Rodrik D. *One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2007.

Решение задачи перехода к режиму открытого доступа, судя по всему, связано с улучшением перспектив долгосрочного устойчивого экономического роста. Но для того, чтобы такой переход стал возможным необходимо, как указывают Норт и др., улучшить социальную организацию развивающихся стран, повысить благосостояние граждан и сократить уровень насилия в обществе.

Проблематика ограничения насилия занимает одну из ключевых ролей в рассматриваемой концепции. Результатом развития обществ ограниченного доступа должно стать состояние, при котором потенциал насилия, связанный с существованием силовых структур (включая армию и полицию), практически не применяется за исключением случаев, санкционированных обществом. Важно также отсутствие антагонистического противостояния между различными группами элит, способных к применению потенциала насилия, который при развертывании подрывает производственные возможности любого общества.

Одни из ключевых институциональных барьеров развития российской экономики относятся к сфере высоких административных издержек и коррупции. Отчасти данный аспект связан с перераспределением рент – другими словами, в концепции Норта, Уоллиса, Уэбба и Вайнгаста чиновники, создающие сложности для запуска и масштабирования предприятий малого и среднего бизнеса, включая высокотехнологичные и инновационные предприятия, по сути, занимаются выкачиванием из экономической системы административной и коррупционной ренты.

По нашему мнению, на современном этапе развития, прежде всего, в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, потенциал присвоения административной и коррупционной ренты в экономике может быть существенно снижен за счет импорта части институтов, характерных для режимов открытого доступа.

Основные риски при осуществлении реформ подобного рода связаны с ущемлением рентных интересов части элит. В целом авторы подчеркивают тот факт, что элитарные организации стремятся к ограничению возможности создания конкурирующих структур – это проявляется и на политическом (создание квазимонопартийных систем) и на экономическом уровне (создание монополизированных отраслей в экономике).

Среди условий, которые подводят режимы ограниченного доступа к состоянию возможности перехода в режимы открытого доступа выделяют следующие (*рекомендуемые для развивающихся стран направления институциональных изменений*):

- эффективное ограничение масштабов применения насилия (монополия государственных институтов на насилие);
- стабильная реализация принципа верховенства права, неизбирательное правосудие наличие механизмов коррекции ошибок в системе правоприменения;
- повышение уровня доверия к государственным институтам, как к гаранту соблюдения соглашений, заключаемых между индивидами и организациями.

Как можно заметить, в России в настоящее время в значительной мере выполняется первое условие, в то же время состояние дел во второй и третьей сфере требует принятия специальных мер.

Хотелось бы отметить, что механизм верховенства права, действующий в современных западных обществах, конструировался, судя по всему, в целях обеспечения сохранности личных свобод и собственности той части элит, которая ожидает сокращения масштабов своего присутствия и влияния на политическом поле в среднесрочном и долгосрочном периоде. Таким образом, принцип верховенства права изначально направлен на обеспечение интересов элит. Принцип реализуется с целью обеспечения деперсонификации правоприменительной практики в отношении той или иной части элит, что позволило бы избежать сведения личных счетов. Лишь впоследствии общественное благо в виде функционирующего беспристрастного правоприменительного механизма распространяется на все слои общества и создает уникальные по своей эффективности условия для развития предпринимательской инициативы, для инновационного роста.

Однако можно отметить, что задача повышения доверия к качеству работы государственных институтов носит значительно более прикладной (деполитизированный) характер при условии опоры на современные достижения информационно-телекоммуникационных технологий. Масштабы распространения ИКТ позволяют использовать их в России с целью сбора управленческой

информации о качестве работы тех или иных государственных институтов, тех или иных чиновников.

Полезными являются инициативы, связанные с запуском механизмов краудсорсинга, механизмов оценки регулирующего воздействия (ОРВ), использующих рекомендации, поступающие от граждан, деловых объединений и т.п. Ключевым в действии данных механизмов является степень, в которой представители органов власти учитывают и обеспечивают реализацию предложенных обществом инициатив. При эффективной работе механизмов обратной связи – уровень доверия к государственным институтам войдет в русло позитивной тенденции. И в то же время выхолащивание принципов и идей, связанных с привлечением частного знания о положении дел на местах, в узкоспециализированных сферах и областях (local knowledge) – приведет к дальнейшему падению уровня доверия граждан к представителям государственной власти, что в целом отдалит переход в состояние режима открытого доступа.

II. Форсированные комплексные институциональные преобразования снизу (преодоление эффекта блокировки)

Как мы видели, в ходе анализа, институциональные барьеры предоставляют собой главную проблему инновационного развития и являются недоучтенными. Анализ стратегических программных документов высокого уровня показывает, что они написаны для «идеальной экономики»: даются нормативные установки «как есть» и «как должно быть». Причем, что особенно важно, переход от текущего состоянию к состоянию, которое должно быть, осуществляется без должного учета и анализа *всей совокупности факторов и институтов, формирующих текущее состояние, без учета институциональной инерции.*

Априори предполагается или а) идеальная экономика совершенной конкуренции б) некая стихийная трансформация институциональной среды в направлении того, как «должно быть», что представляется маловероятным. Логическая ошибка здесь состоит в том, что даже если текущая ситуация оценена «реально», то переход к будущей ситуации осуществляется разработчиками «в идеальных условиях», без какого-либо анализа внешней среды в целом, выявления эффектов институциональной блокировки.

Приведем некоторые примеры, подтверждающие данный тезис, проанализировав уже упомянутую во второй главе настоящей публикации Государственную программу «Экономическое развитие и инновационная экономика» (далее – Программа)⁸⁰.

Среди ключевых задач Программы отмечены:

1. Создание высококонкурентной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность и привлечение капитала в экономику;
2. Переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития;
3. Повышение эффективности государственного управления.

Среди основных инструментов:

- «создание условий для привлечения инвестиций;
- создание благоприятной конкурентной среды;
- повышение предпринимательской активности и развитие малого и среднего предпринимательства;
- устранение избыточного регулирования и неоправданного вмешательства государства в деятельность хозяйствующих субъектов;
- повышение эффективности функционирования естественных монополий и совершенствование системы государственного регулирования тарифов;
- формирование экономики знаний и высоких технологий;
- совершенствование государственной политики и реализации государственных функций в сфере земельных отношений и оборота недвижимости, геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных Российской Федерации;
- повышение качества государственного и муниципального управления;
- совершенствование системы государственного стратегического управления;
- совершенствование сбора, обработки и предоставления статистической информации»⁸¹.

В целом при правильной, на наш взгляд, постановке задач, Программа, однако, ориентирована преимущественно на роль государства в обеспечении перехода России на инновационный путь развития. Многие вопросы – особенно

⁸⁰ Минэкономразвития России. Проект государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (от 14 октября 2012)

⁸¹ Там же.

реальные стимулы для бизнеса, форсированное развитие институтов (формальных и неформальных правил), механизмы участия «снизу» и др. – рассмотрены недостаточно подробно. Такой подход приводит не только к недоучету всей совокупности внешних факторов, но и никак не характеризует наличие эффекта институциональной инерции. Поэтому инструменты, заложенные в Программе, затрагивают только отдельные аспекты системы стимулов субъектов инновационной системы.

Меры, предлагаемые Программой, в случае их успешной реализации могут не оказать существенного влияния на стимулы экономических агентов к участию в инновационной деятельности, так как отрицательная роль внешних факторов может нивелировать положительный эффект реализации предложенных мер.

Более того, данных мер для реализации модернизационного сценария развития экономики России, как представляется, недостаточно. Необходимы комплексные и форсированные институциональные преобразования, касающиеся не только сферы предпринимательства, но и в целом всех элементов национальной инновационной системы, а также экономики и общества.

Хотя на сегодняшний день в России созданы необходимые элементы инновационной системы и произошло увеличение государственного финансирования, призванного масштабировать роль созданных элементов в экономике, процессы модернизации не привели к необходимым структурным изменениям и диверсификации экономики, институциональные преобразования «в теории» и «на практике» приводят часто к различным результатам.

В этой связи для перехода отечественной экономики на инновационный социально ориентированный тип развития необходима активизация совершенствования ключевых элементов национальной инновационной системы – сектора науки и технологий, предпринимательского сектора, а также улучшение взаимосвязей между названными элементами.

В среднесрочной перспективе необходимо проведение комплексных институциональных и организационных преобразований основных секторов национальной инновационной системы в целях форсированного развития эффективных институтов, правил и процедур, создающих необходимые стимулы, мотивацию и условия для всех участников национальной инновационной системы.

Создание конкурентоспособной инновационной системы возможно только через обеспечение повышения спроса на инновации со стороны субъектов экономической деятельности, развитие стимулов у предпринимателей к занятию инновационной деятельностью. Для решения этой задачи необходимо обеспечить принципиальное улучшение институциональных условий, поддерживающих конкуренцию (включая подавление рентных и коррупционных механизмов функционирования бизнеса, сокращение административных барьеров) и создающих реальные стимулы для конкуренции на основе инноваций.

Для того, чтобы реализовать на практике слаженное взаимодействие существующих и создаваемых элементов инновационной системы, обеспечить повышение спроса на инновации со стороны субъектов экономической деятельности, изменить систему стимулов предпринимателей, ученых, общества в целом необходимо проведение форсированных системных институциональных преобразований.

Для определения требуемого масштаба и глубины институциональных преобразований, выявим основные характеристики требуемых реформ.

1. *Для инновационного развития необходимо определенное качество развития институтов.* При среднем уровне качества институтов ниже порогового (*2/3 от уровня технологического лидера*) страны имеют отрицательный прогноз по технологической конвергенции⁸²: Гана, Нигерия, Бангладеш, Бразилия, Танзания, Бурунди, Малави, Перу, Аргентина, Пакистан, Мали, Марокко.

2. Разработка комплекса институтов высокого качества должна дополняться разработкой *механизмов создания новых институтов (условие гибкости институциональной системы)*⁸³. Предпосылки обеспечения гибкости институтов: сбор информации о спросе на изменения, институциональные эксперименты на местах.

3. Необходимо *преодолеть тенденции неэффективного воспроизводства институтов* (path dependence или зависимость от траектории предшествующего

⁸² Manca, F. Technology catch-up and the role of institutions // Journal of Macroeconomics 32 (2010) 1041–1053.

⁸³ Lewis S. Davis. Institutional flexibility and economic growth // Journal of Comparative Economics 38 (2010) 306–320. 13. Abramovitz, Moses, 1986. Catching up, forging ahead, and falling behind. Journal of Economic History 46 (2), 386–406.

North, D. 1991. Institutions. Journal of Economic Perspectives 5 (1), 97–112. 106.

Kuran, Timur, 2004. Why the middle east is economically underdeveloped: historical mechanisms of institutional stagnation. Journal of Economic Perspectives 18 (3), 71–90.

развития). В соответствии с прогнозом теории рационального выбора: переключение на более эффективный институт/технологию происходит, если выгоды превышают издержки переключения. В реальности прогноз не всегда выполняется, т.к. действуют иррациональные компоненты: парадокс Алле: (предпочтение гарантированного меньшего по величине дохода вероятностному большему по величине доходу), парадокс omission bias (потери, наступившие в результате неудачной попытки осуществления активных действий, воспринимаются как более существенные, чем аналогичные по величине потери от бездействия).

4. Необходимо действительно комплексное реформирование институтов - как условие успешной реализации реформ, при реформировании 1-2 институтов, система нивелирует результаты реформ.

5. Залогом успешности реформ является понимание реакции экономических агентов на стимулы, что можно сделать через обеспечения широкого участия и включенности экономических агентов в процессы реформ на всех этапах.⁸⁴

В случае осуществления институциональных преобразований с названными характеристиками, как представляется, будут созданы стимулы для реализации модели модернизации для различных групп интересов в России (представителей государства, гражданского общества, малого и среднего бизнеса и др.); сформирован «общественный договор», обеспечивающий прозрачную среду взаимного доверия групп интересов, а также налажена система отбора новых эффективных институтов.

III. Задействование факторов «человеческий капитал» и «социальный капитал», использование потенциала неформальных институтов

Как было показано при анализе неформальных институтов, инновационное развитие подразумевает под собой *социальную модернизацию*.

По нашему мнению, важнейшим механизмом, который обеспечит, форсированные институциональные преобразования могут быть различные виды коллективных действий, когда на основе запроса «снизу», со стороны инновационных предпринимателей и предприятий, других заинтересованных в модернизации групп будет обеспечено форсированное создание стимулов.

⁸⁴ Истерли У. В поисках роста. – М. ИКСИ, 2006.

На основе подключения к институциональному строительству всех заинтересованных групп, переноса «центра тяжести» принятия решений в гражданское общество будут обеспечены новые возможности для выстраивания эффективных правил и процедур, действительно востребованных на практике.

Частным случаем, реализации коллективных действий может быть совершенствование системы оценки регулирующего воздействия принимаемых нормативно-правовых актов со стороны предпринимателей и гражданского общества.

На сегодняшний день известно достаточное число конкретных технических инструментов, позволяющих форсировано осуществлять институциональные преобразования, предпосылками появления которых являются следующие доктрины.

Доктрина «Открытого государства» («открытого правительства»), подготовленная развитием ИКТ (всеобщий равный доступ, электронный документооборот, электронная подпись) и активно развивающаяся в странах, обладающих высоким уровнем развития человеческого капитала и характеризующихся широким распространением ИКТ.

Среди основных характеристик можно отметить:

открытость данных о госзакупках;

народная экспертиза (обсуждение законопроектов под эгидой Правительства и Президента, сбор идей и рационализаторских предложений);

открытость госрасходов («электронный бюджет»);

процедуры оспаривания незаконных отказов в предоставлении информации.

Доктрина доступности общественной жизни, «гражданского общества» (гражданских инициатив), предусматривающая:

право «гражданского контроля»

привлечение граждан к полезной деятельности,

самоуправление, самоорганизацию, сетевые коммуникации и институциональное строительство «снизу».

Доктрина «Электронной демократии» («сетевой демократии»), связанная с использованием ИКТ для коллективных действий на всех уровнях управления.

Примеры:

информационная теория демократии,

коллективный интеллект, социальное сотворчество («феномен википедии», открытое программное обеспечение), позволяющее находить решения задач более эффективные, чем лучшее индивидуальное решение в той или иной группе.

Россия отстает от большинства Европейских стран по уровню реализации названных механизмов, обладая при этом высоким уровнем развития человеческого и социального капиталов, обладая, таким образом, неиспользуемым потенциалом догоняющего развития, высвобождаемого путем активизации указанных факторов в институциональном строительстве.

Можно предложить набор конкретных инструментов, позволяющих на основе привлечения гражданского общества проводить форсированные институциональные преобразования:

оценка регулирующего воздействия (как новых, так и уже принятых НПА и неформальных институтов), расширение допуска бизнеса к процедурам ОРВ;

инвентаризация эффективных институтов на разных исторических периодах развития России и анализ возможностей их заимствования в текущем периоде (с учетом эффектов институциональной инерции и блокировки, существующих надконституционных институтов);

инструменты прямой демократии, в том числе открытого и авторизованного голосования в интернете, решения которого будут иметь юридическую силу, масштабирование института петиций, в том числе интернет-петиций.

допуск представителей всех заинтересованных групп к участию в обсуждении и принятию итогового решения по вопросам предоставления общественных благ;

обеспечение общедоступного изложения законов и других НПА как общественного блага;

развитие новых и масштабирование существующих механизмов общественной самоорганизации, гражданского общества;

обеспечение функционирования простого механизма отзыва избранной законодательной или исполнительной (избираемой) власти на всех уровнях государственного управления в целях обеспечения адекватной настройки стимулов государственных служащих;

Особенно перспективным выглядит запуск механизмов оценки регулирующего воздействия (ОРВ)⁸⁵, использование которого предполагает создание условий для радикального снижения избыточной регуляторной нагрузки на экономику, на инновационные предприятия, относящиеся, прежде всего, к сегментам малого и среднего бизнеса.

Положительное воздействие на оценку предпринимателями, инвесторами и экспертами институционально-инвестиционного климата в российской экономике, способно оказать совершенствование функционирования системы «Открытое правительство», в рамках которой создаются новые для России механизмы взаимодействия экспертного сообщества, структур гражданского общества и органов власти. Ключевым во взаимодействии органов власти, представителей бизнес-сообщества и граждан, как представляется, будет являться выработка принципов и практика реализации механизма учета мнений, представленных на рассмотрение представителям органов власти. Возможность игнорирования представителями органов власти поступающих от экспертов экономически обоснованных предложений – представляет один из наиболее важных рисков развертывания данной системы.

Итак, как было показано, на сегодняшний день российская политика в области модернизации и инновационного развития во многом выстраивается по принципу «модернизации сверху», в рамках которой представители государственных институтов предлагают ряд мер, которые, по их мнению, должны решить основные проблемы в бизнес среде. Как видно из опыта, накопленного к текущему моменту, эти инициативы реализуются неубедительно, институциональные барьеры для инноваций сохраняются. Другими словами, наблюдается эффект блокировки институциональных реформ. По нашему мнению, эффективная государственная политика в России должна строиться по принципу «модернизация снизу». Бизнес и граждане должны иметь возможность влиять на государственные органы в своих интересах, а последние должны быть подконтрольны и подотчетны. Такая система способна обеспечить эффективность и

⁸⁵ На базе портала regulation.gov.ru

согласованность создаваемых институтов, формирующих реальные стимулы для инновационного развития.

Приложение. Институциональные барьеры инновационного развития экономики: место России в международных сопоставлениях

Количественная оценка институциональных барьеров инновационного развития экономики России может быть основана на четырех основных способах, которые предлагаются в литературе⁸⁶:

- на основе опросов предприятий и населения как пользователей государственных услуг;
- на основе опросов экспертов;
- на основе макроэкономических показателей; данный способ применяется в основном для оценки уровня развитости финансового сектора (например, на основе размера банковских кредитов, выданных частному сектору, в процентах к ВВП; капитализация рынка ценных бумаг, в процентах к ВВП, и т.п.);
- на основе прямых измерений конкретных качественных характеристик, таких как, например, качество образования (с использованием стандартных тестов) или конкурентность выборов (статистика голосования).

Для проведения качественного анализа институциональных барьеров инновационного развития экономики России, необходимо рассмотрение аспектов институциональной среды с точки зрения относительного положения в международных сопоставлениях, а также с точки зрения динамики этих относительных показателей.

В данной части работы будут рассмотрены наиболее популярные на сегодняшний день индексы институционального развития - Индекс экономических свобод (Heritage Foundation Economic Freedom of the World), Индекс экономических свобод (Fraser Institute), Индекс условий для ведения бизнеса (World Bank Doing Business), Индикатор восприятия коррупции (Transparency International), Индикаторы качества государственного управления (World Bank Worldwide Governance Indicators).

⁸⁶ Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой/ Фрейнкман Л.М., Дашкеев В.В., Муфтяхетдинова М.Р.– М.: ИЭПП, 2009, стр. 40.

Перед непосредственным анализом показателей развития институциональной среды необходимо обозначить выборку стран, по которым будет проводиться рассмотрение. В выборку предлагается включить наиболее инновационно развитые страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)⁸⁷, а также Сингапур и развивающиеся страны, которые входят в группу БРИК: Бразилия, Россия, Индия и Китай.

Индекс экономических свобод (Heritage Foundation Economic Freedom of the World)

Начнем анализ институциональной среды с рассмотрения Индекса экономических свобод (Heritage Foundation's Index of Economic Freedom), который рассчитывается с 1995 года и призван отразить наиболее значимые для экономического роста институциональные характеристики различных стран.

В 2012 году в рейтинге представлены 183 страны⁸⁸, из них количественные показатели получили 179 стран. Афганистану, Ираку, Лихтенштейну, Судану и Сомали аналитики не смогли присвоить цифровых показателей из-за отсутствия достоверной статистической информации.

Эксперты Heritage Foundation определяют экономическую свободу как «основополагающее право каждого человека на распоряжение своим трудом, управление своей собственностью. В экономически свободном обществе частные лица могут свободно работать, производить, потреблять и инвестировать любым удобным для них способом с той степенью свободы, которая охраняется государством. Отсутствует правительственное вмешательство или воспрепятствование производству, распределению и потреблению товаров и услуг, за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой».⁸⁹

Данный индекс состоит из десяти разделов, по каждому из которых рассчитывается собственный субиндекс:

- Права собственности;
- Свобода от коррупции;

⁸⁷ Великобритания, Норвегия, Германия, США, Дания, Финляндия, Израиль, Франция, Ирландия, Швейцария, Канада, Швеция, Нидерланды, Южная Корея, Новая Зеландия, Япония

⁸⁸ <http://www.heritage.org/Index/Ranking.aspx>

⁸⁹ <http://www.heritage.org/Index/FAQ.aspx>

- Фискальное регулирование;
- Государственное вмешательство в экономику;
- Регулирование бизнеса;
- Регулирование рынка труда;
- Монетарное регулирование;
- Торговая политика;
- Инвестиционное регулирование;
- Регулирование финансового сектора.

Первое место в 2012 году из рассматриваемых нами стран занимает Сингапур (87,5 балла), что выше значения 2011 года на 0,3 пункта. Страны БРИК находятся на нижних строчках рейтинга среди выбранных стран. При этом в целом у Российской Федерации наиболее низкий рейтинг – 50,5 баллов или 144 место в целом по выборке из 179 стран. Значение данного индекса с 2011 года не изменилось.

Если рассматривать более информативно данный индекс, то можно выделить некоторые наиболее слабые стороны, на которые стоит ориентироваться при проведении государственной политики, в том числе в области инновационного развития. В таблице ниже представлены сравнительные характеристики стран БРИК по всем вышеупомянутым блокам индекса (см. таблицу 1).

ТАБЛИЦА 1

Баллы, полученные странами БРИК по составляющим Индекса экономических свобод в 2012 году

	Бразилия	Индия	Китай	Россия
Права собственности	50	50	20	25
Свобода от коррупции	37	33	35	21
Фискальная свобода	69,1	76,1	70,4	82,5
Государственные затраты	54,8	74,8	84,1	48,6
Свобода бизнеса	53,7	35,5	46,4	65,1
Свобода рынка труда	59,1	74,2	55,4	63,5
Монетарная свобода	75,8	62,9	74,2	66,3
Торговая свобода	69,7	64,1	71,6	68,2
Инвестиционная свобода	50	35	25	25
Финансовая свобода	60	40	30	40

Источник: Heritage Foundation's Index of Economic Freedom 2012.

Если рассматривать только страны БРИК, то можно увидеть, что Россия уступает по многим показателям, которые, так или иначе, характеризуют некоторые факторы инновационного развития. Так, наиболее критична ситуация в сфере прав

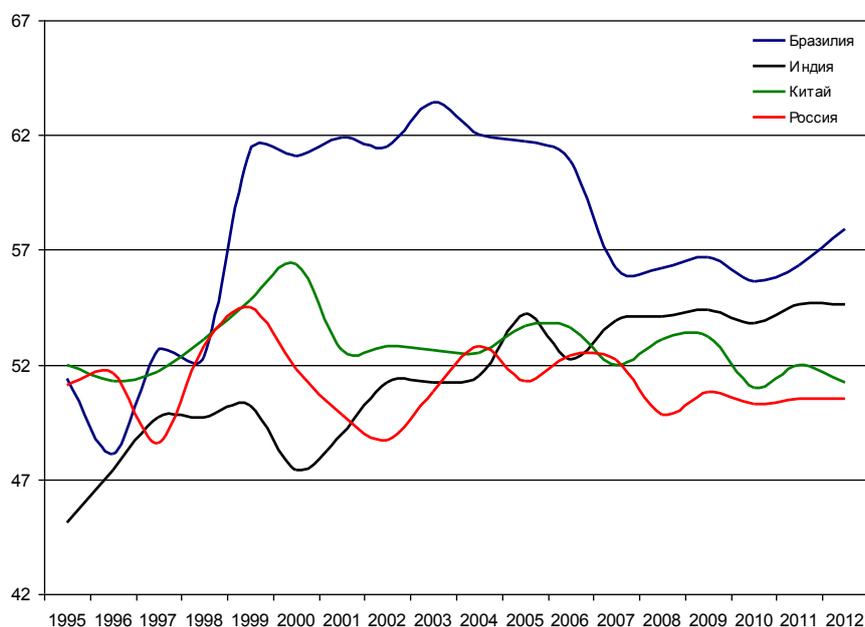
собственности и их защиты, свободы от коррупции, инвестиционной свободы и сферы государственных затрат, в том числе государственного заказа. Даже по сравнению со странами БРИК, не говоря уже о развитых странах, таких как США, Сингапур, Япония и т.д., Российская Федерация сильно уступает.

Тем не менее существуют сферы, где ситуация выглядит не так печально. В первую очередь это фискальная свобода, свобода бизнеса, свобода рынка труда, монетарная свобода и торговая свобода. Данные показатели находятся по уровню выше среднемирового, но, тем не менее, еще далеки от соответствующих значений в странах инновационных лидерах.

Если же проследить динамику сводного Индекса экономической свободы, то можно отметить лишь незначительные изменения за последние годы, которые не говорят о каких-либо качественных сдвигах в области экономической свободы, которая необходима в большинстве случаев для развития инновационного бизнеса и в целом инновационной составляющей экономики (см. рисунок 1).

РИСУНОК 1

Динамика сводного Индекса экономической свободы в странах БРИК в 1995-2012 гг.

Источник: Heritage Foundation's Index of Economic Freedom 2012.

Из рисунка видно, что за последние 4-5 лет в странах БРИК не произошло каких-либо значимых качественных сдвигов в значениях Индекса экономических свобод.

Индекс экономических свобод (Fraser Institute)

Индекс экономических свобод, который ежегодно рассчитывается Институтом Фрейзера, призван оценить степень различия предпринимательской свободы и открытости рынков между странами. Особое внимание уделяется таким аспектам, как свобода индивидуального выбора, свободы рыночного обмена, свобода выхода на рынок и конкуренция, а также эффективность защиты прав граждан и их собственности.

Методология интегрального индекса экономической свободы Института Фрейзера включает 5 основных сфер анализа, 38 компонентов, система рейтингов от 0 до 10 (где 0 – наименее, 10 – наиболее высокий уровень).

Основные сферы анализа индекса:

- размеры государства – налоги, государственные расходы, государственное предпринимательство (5 компонентов).
- законодательная система и обеспечение прав собственности (5 компонентов).
- надежность денежной системы (4 компонента).
- внешнеэкономическая сфера, свобода международной торговли (9 компонентов).
- регулирование кредитования, рынка труда и предпринимательской деятельности (15 компонентов)

По состоянию на 2011 год Российская Федерация, по сравнению с Индексом экономической свободы, составленным Heritage Capital, занимает более высокие позиции. По сравнению с выбранными для анализа странами, Россия занимает более высокие позиции, чем Израиль, Китай, Индия и Бразилия. Но, тем не менее, наблюдается существенное отставание от инновационно развитых стран, таких как Франция, Швеция, Швейцария, Сингапур и т.д.

В таблице ниже представлены баллы, полученные странами БРИК по составляющим индекса экономической свободы, рассчитываемым Институтом Фрейзера (см. таблицу 2)

ТАБЛИЦА 2

**Баллы, полученные странами БРИК по составляющим Индекса
экономических свобод (Институт Фрейзера) в 2011 году**

	Бразили я	Кита й	Инди я	Россия
Размеры государства (налоги, госрасходы, государственное предпринимательство)	6,7	4,5	6,7	6,8
Законодательная система и обеспечение прав собственности	5,3	6,4	5,7	5,7
Надежность денежной системы	7,9	8,0	6,6	8,3
Внешнеэкономическая сфера, свобода международной торговли	6,0	7,2	6,5	5,8
Регулирование кредитования, рынка труда и предпринимательской деятельности	5,1	6,0	6,5	6,1

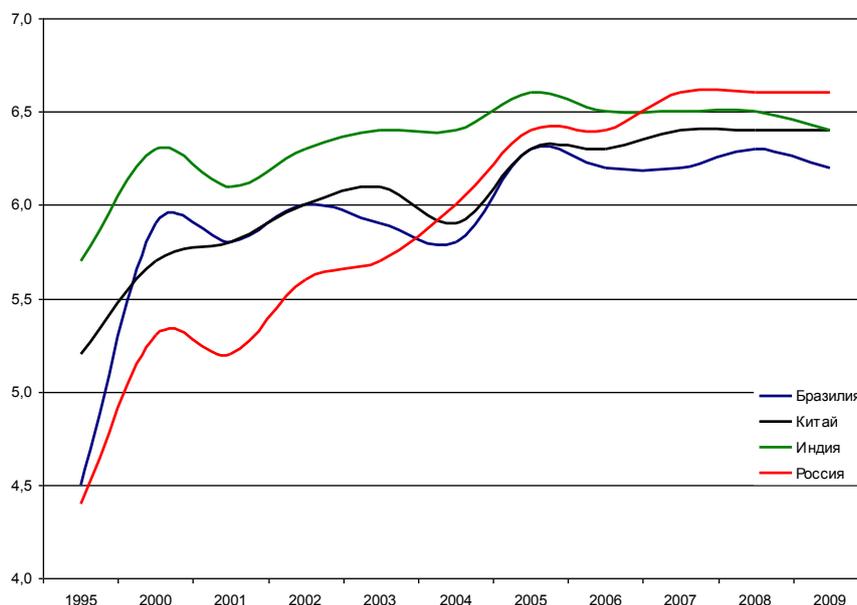
Источник: Economic Freedom of the World 2011 Annual Report.

Расчет данного индекса показывает, что позиции России относительно остальных стран БРИК являются в большинстве случаев более высокими. Так, по блокам «размеры государства» и «надежность денежной системы» Россия является лидером среди сопоставимых стран (БРИК). По блоку «Внешнеэкономическая сфера, свобода международной торговли» Российская Федерация уступает всем остальным странам, но незначительно, по блоку «Законодательная система и обеспечение прав собственности» лидером является Китай (6,4 балла), а лидер по блоку «Регулирование кредитования, рынка труда и предпринимательской деятельности» - Индия.

Динамика данного индекса также среди стран представлена на рисунке ниже (см. рисунок 2).

РИСУНОК 2

Динамика сводного Индекса экономической свободы в странах БРИК в 1995-2012 гг.

Источник: Heritage Foundation's Index of Economic Freedom 2012.

Из рисунка видно, что с 2005 года в Китае, Индии и Бразилии не произошло каких-либо качественных сдвигов в области экономических свобод, согласно динамике индекса. При этом в Российской Федерации в 2007 году произошел некий «рывок», что связано, прежде всего, с ростом показателей надежности денежной системы.

Индекс условий для ведения бизнеса (World Bank Doing Business)

Индекс условий для бизнеса, ежегодно рассчитываемый Мировым Банком, представляет собой набор индикаторов, которые призваны измерить транзакционные издержки по таким направлениям, как создание нового бизнеса, лицензирование, наем и увольнение сотрудников, регистрация собственности, доступ к кредитам, защита инвесторов, налоги, внешнеэкономическая деятельность, информирование контрактов и закрытие бизнеса.

По результатам сводного индекса простоты ведения бизнеса среди исследуемых стран в 2012 году, последние места занимают Индия (132 место в общем рейтинге), Бразилия (126 место в общем рейтинге), Россия (120 место в общем рейтинге) и Китай (91 место в общем рейтинге). Лидерами данного рейтинга,

как и многих других уже рассмотренных, являются Сингапур, Новая Зеландия и США.

Если же рассматривать составляющие индекса в сопоставлении со странами БРИК (см. таблицу 3), то следует отметить, что позиции России только по некоторым показателям выглядят крайне негативно. Как представляется, состояние дел в некоторых областях указанного индекса может быть существенно улучшено в краткосрочном и среднесрочном периоде. Это позволит обеспечить решение задачи по снижению транзакционных издержек, которые достаточно сильно влияют на инновационную активность бизнеса.

ТАБЛИЦА 3

Значения составляющих индекса простоты ведения бизнеса для стран БРИК в 2012 году⁹⁰

	Бразилия	Китай	Индия	Россия
Открытие нового бизнеса	120	151	166	111
Разрешение на строительство	127	179	181	178
Подключение к электросетям	51	115	98	183
Регистрация собственности	114	40	97	45
Получение кредита	98	67	40	98
Защита инвесторов	79	97	46	111
Уплата налогов	150	122	147	105
Внешнеэкономическая деятельность	121	60	109	160
Обеспечение исполнения контрактов	118	16	182	13
Банкротство и закрытие бизнеса	136	75	128	60

Источник: Economic Freedom of the World 2011 Annual Report.

В настоящее время Россия занимает 13 место в мире по обеспечению исполнения контрактов, 45 место по простоте регистрации собственности, а также 60 место по простоте банкротства предприятий или их закрытия. При этом наиболее негативной ситуация представляется в области получения разрешений на строительство различных объектов, подключения к электросетям, а также по простоте ведения внешнеэкономической деятельности (велики транзакционные издержки, с которыми сталкиваются предприятия при прохождении органов таможенного контроля).

По таким немаловажным параметрам, как простота открытия бизнеса, защита прав инвесторов, простота уплаты налогов, а также получение кредитных средств Россия находится примерно в середине общего рейтинга. Тем не менее, данные

⁹⁰ Значения представлены в виде номера в общем рейтинге стран (чем выше, тем хуже)

значения далеки от сопоставимых в развитых странах. Стоит еще раз отдельно отметить, что данные индикаторы являются важными показателями измерения некоторых факторов инновационной активности.

Индикатор восприятия коррупции (Transparency International)

Индекс восприятия коррупции (ИВК) – это интегральный индикатор, который рассчитывается на основе различных данных за два года, предшествующих отчетному. В него включены различные показатели из 13 источников, которые в основном представляют собой результаты опросов респондентов.

Основная цель данных опросов – это измерение общей степени распространения коррупции в том или ином регионе. Респондентов можно разделить на две категории – резиденты стран, по которым даются экспертные оценки, и нерезиденты (зарубежные эксперты).

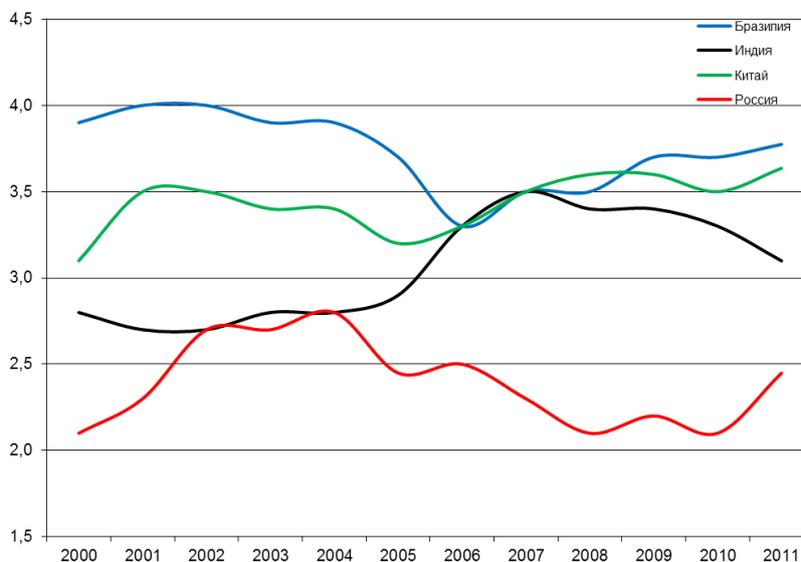
Индекс восприятия коррупции отражает оценку восприятия уровня коррупции в государственном секторе людьми, и не претендует на объективное измерение масштабов коррупции в разных странах. Российская Федерация находилась в 2011 году на 143 месте из 182 по данному показателю, что, безусловно, говорит о наличии коррупции в существенных масштабах. Тем не менее, оценить влияние коррумпированности экономики на инновационное развитие достаточно проблематично. Полагаем, что в большинстве случаев коррумпированность чиновников и других лиц, ответственных за принятие решений, оказывает негативный эффект на инновационную динамику и заинтересованность компаний в создании интеллектуальной ренты (в связи с низким потенциалом присвоения такого рода ренты в экономике с высокой зависимостью частных компаний от решений различного рода чиновников, принимаемых в дискреционной – т.е. слабо прогнозируемой манере). Отметим также, что степень распространения коррупции отрицательно коррелирована с уровнем социально-экономического развития страны.

Россия по рассматриваемому индексу занимает очень низкое место – между Нигерией, Азербайджаном, Беларусью, Мавританией и т.д. Тем не менее, несмотря на такие низкие результаты, динамика данного индекса, особенно в 2011 году говорит о некотором временном сдвиге в положительную сторону. В 2011 году Индекс восприятия коррупции вырос до 2,4 пунктов с 2,1 пункта в 2010 году.

На рисунке ниже представлена динамика данного индекса с 2001 года по странам БРИК (см. рисунок 3).

РИСУНОК 3

Динамика индекса восприятия коррупции с 2000 по 2011 гг.

Источник: Transparency international, <http://www.transparency.org>

В 2004-2010 гг. Индекс восприятия коррупции в России постоянно снижался, что говорило о возрастании процессов, связанных с коррупционностью. В это же время страны БРИК смогли добиться значительных результатов по борьбе с коррупцией, что увеличило отставание России от них.

Индикаторы качества государственного управления (World Bank Worldwide Governance Indicators)

Индикаторы качества государственного управления представляют собой набор шести индексов, которые призваны измерить и сопоставить степень эффективности государственного управления. В состав данного сводного индекса входят следующие субиндексы, рассчитываемые по 212 странам⁹¹:

1. Права граждан и подотчётность государственных органов (voice and accountability);
2. Стабильность политической системы и отсутствие насилия (political stability and absence of violence);

⁹¹ Фрейнкман Л.М., В. В. Дашкеев, М. Р. Муфтяхетдинова. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. – М.: ИЭПП, 2009, стр. 42.

3. Эффективность органов государственного управления (government effectiveness);

4. Качество регулирующих институтов (regulatory quality);

5. Качество правовых институтов (rule of law);

6. Антикоррупционный контроль (control of corruption).

Вышеприведенные индексы могут принимать значение $[-2,5; 2,5]$, где большее значение соответствует лучшему качеству государственного управления.

Индикатор эффективности органов государственного управления (Government Effectiveness)

Индикатор эффективности государственного управления позволяет измерить несколько аспектов:

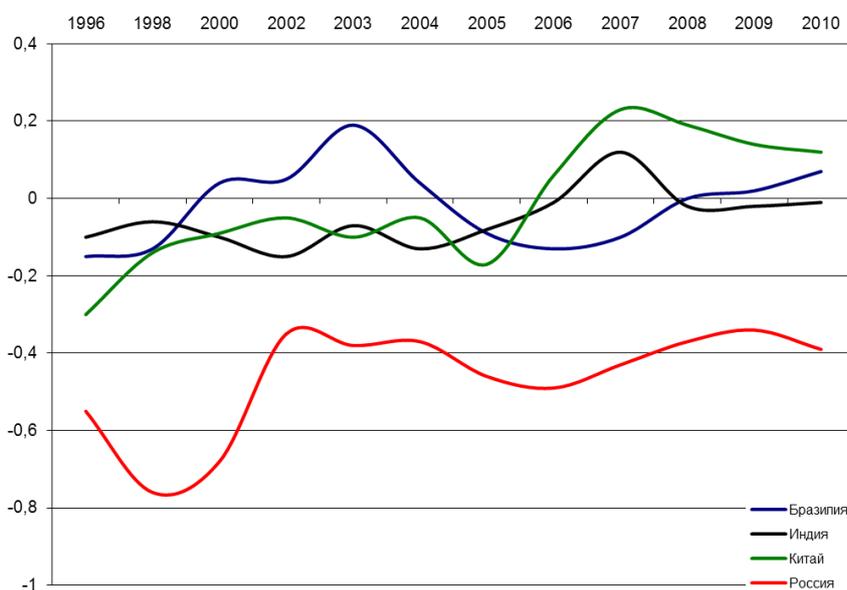
- качество предоставляемых государственных услуг;
- качество государственной службы;
- уровень независимости государственной службы от политических давлений;
- качество выработки политики и ее выполнения;
- уровень доверия к правительству относительно обязательств выполнения заявленных государственных программ.

Как уже было отмечено группа индексов качества государственного управления измеряется по шкале $[-2,5; 2,5]$. На первом месте по индикатору эффективности органов государственного управления находился в 2010 году Сингапур (+2,25 пункта). Причем на протяжении последних четырех лет с 2007 года данная страна стабильно получает одни из наиболее высоких баллов по всей выборке в целом.

Что же касается России, то стоит отметить негативные оценки эффективности работы органов государственного управления. С 1996 года Российская Федерация не получает положительных оценок, причем с 2002 года каких-либо качественных изменений не происходит (см. рисунок 4).

РИСУНОК 4

Динамика индекса эффективности органов государственного управления.

Источник: Всемирный Банк, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>

Индикатор качества регулирующих институтов (Regulatory Quality)

Следующий составной индикатор группы индексов качества государственного управления является индикатор качества регулирующих институтов. Данный индикатор «измеряет способность правительства формулировать и исполнять основные положения и нормы политики, которые не только позволяют развиваться частному сектору, но и стимулируют его развитие. Таким образом, индекс качества регулирующих институтов отражает взаимоотношения между государством и частным сектором»⁹².

По данному индикатору Россия среди исследуемых стран занимала в 2010 году предпоследнее место. Тем не менее, важен другой факт – за последние годы каких-либо положительных изменений в области качества регулирующих институтов, согласно рассматриваемому индексу, не произошло, что подтверждает динамика данного индекса, показанная на рисунке ниже (см. рисунок 5).

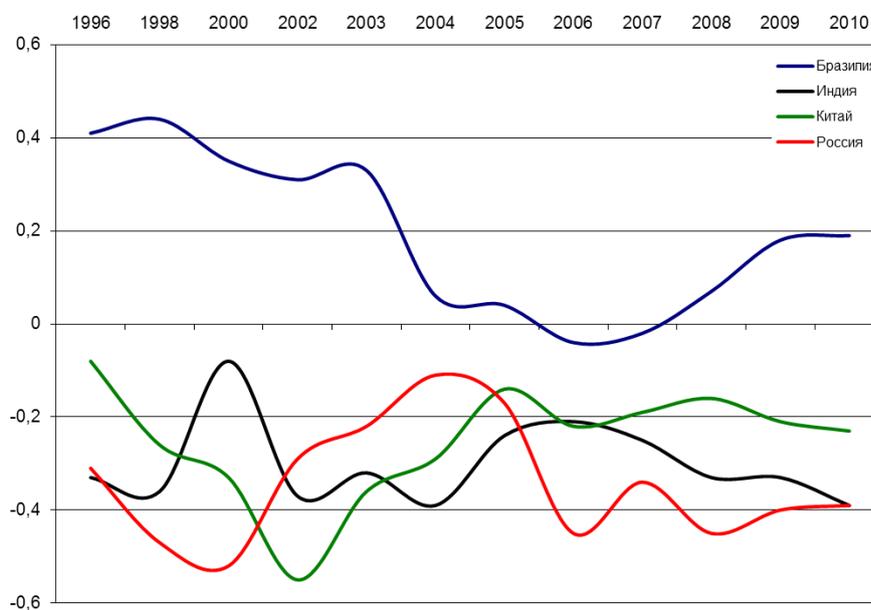
Если в 2000-2004 гг. наблюдался существенный рост индикатора индекса качества регулирующих институтов с (-0,52) до (-0,11), то в последующие два года

⁹² Фрейнкман Л.М., В. В. Дашкеев, М. Р. Муфтяхетдинова. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. – М.: ИЭПП, 2009, стр. 45.

произошел еще более быстрый «откат» данного индикатора назад, что говорит о прежнем качестве регулирующих институтов в стране.

РИСУНОК 5

Динамика индекса качества регулирующих институтов.

Источник: Всемирный Банк, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>

5.5.3. Индикатор качества правовых институтов (Rule of Law)

Данный индикатор позволяет измерить «степень доверия и уверенности респондентов в существующих в обществе законах, и в какой мере они (респонденты) их придерживаются»⁹³.

Индикатор качества правовых институтов измеряет степень доверия опрошиваемых респондентов к существующим законам в анализируемых странах, а также позволяет количественно определить в какой степени данные респонденты их исполняют.

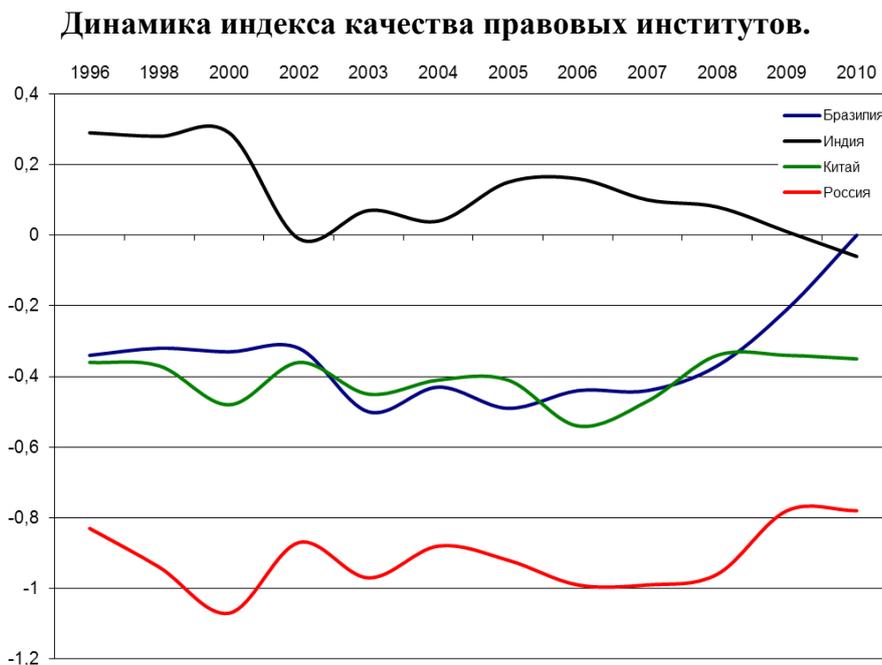
По сравнению с остальными индикаторами позиции России по данному показателю являются наиболее негативными, даже по сравнению со странами БРИК. Если в Китае индекс качества правовых институтов составляет (-0,36), то в России данный индикатор более, чем в два раза ниже – (-0,78).

Если же рассматривать динамику индекса качества правовых институтов, то можно отметить 20% рост в 2009 году. Тем не менее, позиции России на протяжении

⁹³ Там же, стр. 48.

долгих лет остаются достаточно низкими. Наиболее существенных результатов в области правовых институтов с 2006-2007 гг. добилась Бразилия (индекс вырос с (-0,44) до 0). Динамика данного индекса представлена на рисунке ниже (см. рисунок б).

РИСУНОК 6

Источник: Всемирный Банк, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>

Индикатор антикоррупционного контроля (Control of Corruption)

Данный показатель (Control of Corruption) отражает, «в какой степени сотрудники государственных органов используют власть для личной выгоды, включая коррупцию в мелких и крупных масштабах, а также роль элиты и частных интересов в государстве»⁹⁴.

В 2010 году наиболее эффективной страной среди исследуемых по данному индикатору являлась Дания (+2,37 балла). На втором месте – Новая Зеландия (+2,36 балла), а на третьем – Швеция (+2,25 балла). Россия среди исследуемых стран занимает последнее место (-1,07 балла).

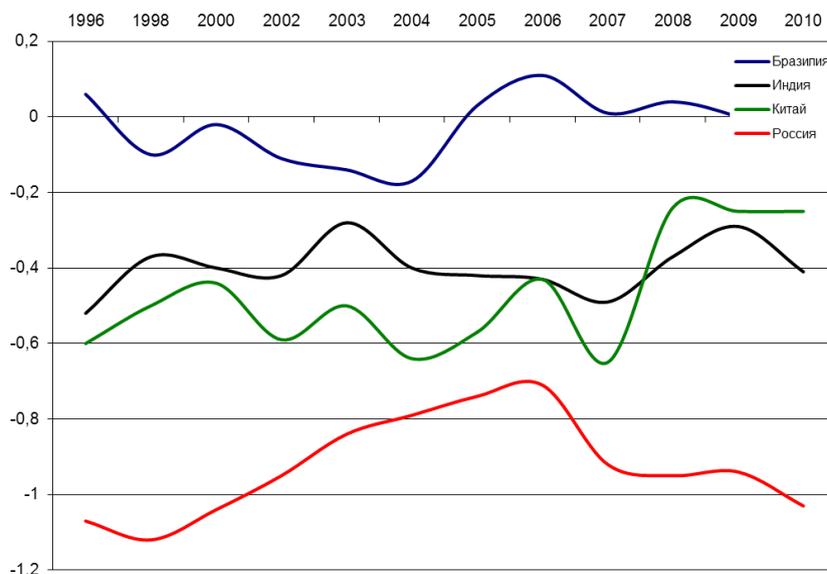
Если же рассматривать динамику изменения данного индекса в странах БРИК (см. рисунок 7), то можно отметить существенные положительные сдвиги в этом направлении в Китае в 2008 году, а также в Индии с 2007 по 2009 гг. В России

⁹⁴ Там же, стр. 50.

наблюдался постепенный рост показателя, что свидетельствует о благоприятных изменениях в сфере коррупции, в 1998-2006 гг. Тем не менее, за последние 5 лет ситуация значительно ухудшилась, а индекс антикоррупционного контроля принял значения 2000-го года.

РИСУНОК 7

Динамика индекса антикоррупционного контроля в странах БРИК.

Источник: Всемирный Банк, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>

Индикатор гражданских прав и подотчетности государственных органов (Voice and Accountability)

Данный показатель позволяет оценить «возможности граждан участвовать в выборе органов власти, а также свободу самовыражения, создания ассоциаций и свободу средств массовой информации (СМИ)»⁹⁵.

В 2010 году на первом месте среди исследуемых стран находились Швейцария и Норвегия, в которых индекс гражданских прав и подотчетности государственных органов составлял 1,62 пункта. Также высокие позиции занимали Швеция и Дания (+1,58 балла) и Финляндия (+1,54 балла). Россия занимала предпоследнее место среди исследуемых стран со значением показателя (-0,94) балла.

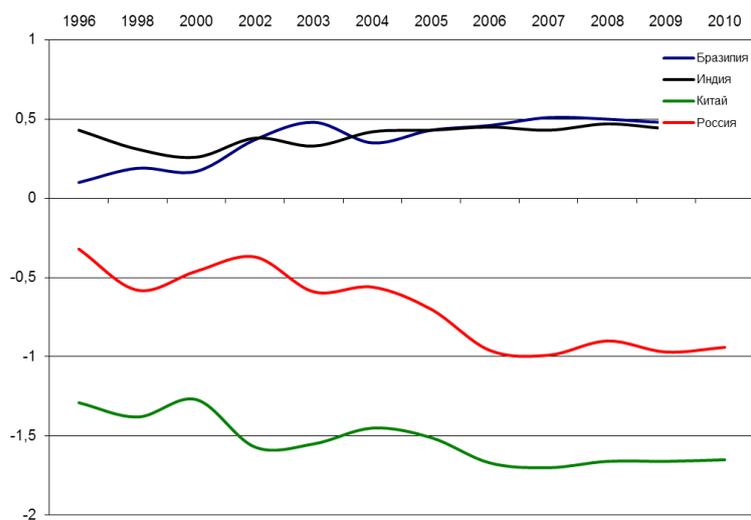
Если же рассматривать динамику значений данного индекса по странам БРИК, то невозможно отметить каких-либо значимых положительных сдвигов в

⁹⁵ Там же, стр. 52.

1996-2010 гг. Так, индекс гражданских прав и подотчетности государственных органов в России с 2002 года снизился в 2,5 раза, а в Китае с 2000 года – всего на 30%. Более подробно динамика данного показателя представлена на рисунке ниже (см. рисунок 8).

РИСУНОК 8

Динамика индекса гражданских прав и подотчетности государственных органов в странах БРИК.

Источник: Всемирный Банк, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>

Индикатор политической стабильности (Political Stability)

Индикатор политической стабильности (Political Stability) «основан на восприятии, предположениях респондентов о вероятности дестабилизации или свержения правительства неконституционными, насильственными методами, а также о возможности возникновения внутренних беспорядков с применением насилия».⁹⁶

Лидерами данного рейтинга среди исследуемых стран являлись в 2010 году Финляндия (+1,38 балла), Норвегия (+1,29 балла), Швейцария (+1,21 балла) и Новая Зеландия (+1,15 балла). Россия по индикатору политической стабильности по результатам 2010 года находится выше Израиля (-1,49 балла) и Индии (-1,31 балла).

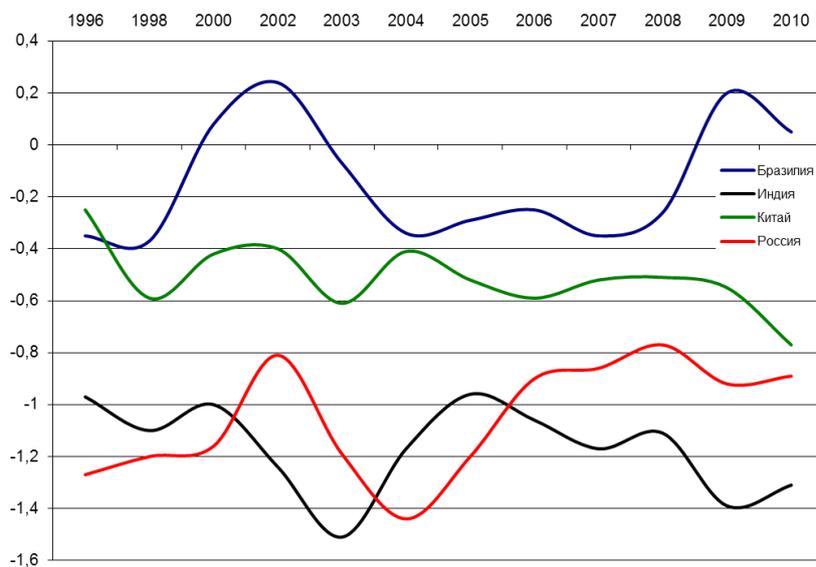
В целом в России с 2004 года ситуация в данной области существенно улучшилась, но, тем не менее, остается на уровне довольно низком. Наиболее благоприятные институциональные условия в области политической стабильности

⁹⁶ Там же, стр. 54-55.

зафиксированы в Бразилии (существенный рост индекса в 2009 году). В целом же ситуация в области динамики институционального индекса политической стабильности представлена на рисунке ниже (см. рисунок 9).

РИСУНОК 9

Динамика индекса политической стабильности в странах БРИК.

Источник: Всемирный Банк, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/>

Список литературы

Аузан А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы, Журнал Новой экономической ассоциации №7, 2010

Аузан А. Национальные ценности и модернизация, М.: ОГИ; Полит.ру, 2010;

Аузан А.А., Крючкова П.В. (ред.). Административные барьеры в экономике: институциональный анализ. М.: ИНП Общественный договор, 2002.

Ерасов Б.С. Алгоритмы российских модернизаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovo.netda.ru/kss_text/010418kss.htm

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Индикаторы науки: 2012. Стат. сб. - М. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012

Истерли У. В поисках роста. – М. ИКСИ, 2006.

Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.

Комаров В. Основные положения теории инноваций. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.

Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал, 2001, т. 22, № 3. С. 26–36.

Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. Т. 3. № 2. С. 16-26.

Мау В. Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций // Вопросы экономики. № 2. 2011.

Минэкономразвития России. Проект государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (от 14 октября 2012)

Мокир Дж. Культура, институты и экономический рост. Prepared for the Conference: Understanding Institutions and Development Economics: the Legacy and Work of Douglass C. North, St. Louis, Nov. 4–6, 2010.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: доклад к XIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Павлов П.Н. Влияние религии на экономический рост // Институциональные ограничения экономической динамики: Монография / Под. ред. В.Л. Тамбовцева. М.: ТЕИС, 2009. С. 251-262.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Карлота Перес; пер. с англ. Ф.В. Маевского. - М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011, с. 31

Пономарева О.А. Мультикультурная парадигма в социально-экономической модернизации России. // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всероссийской научной конференции/ Саранск: Изд. центр Ист.-социологического ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2007.

Проскуракова Н. «К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв.». М., Изд-во МГУ, 2005.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб., 1998.

Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (проект) // Минэкономразвития России, Москва, 2011.

Тамбовцев В.Л. 1997. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. №3.

Тамбовцев В.Л. Есть ли в России спрос на институты //Независимая газета, Интернет-версия, 15.02.2011

Тамбовцев В.Л. Теории государственного регулирования экономики: Учеб. Пособие. – М.: ИНФРА-М, 2010.

Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 599 "О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки".

Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика — XXI, 2005.

Фрейнкман Л.М., В. В. Дашкеев, М. Р. Муфтяхетдинова. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. — М.: ИЭПП, 2009.

Хантингтон С. Предисловие. Культура — это серьезно. / Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в социальном контексте. М.: Наука, 2004.

Чирина А.А. Феномен архаизации в структуре социально-экономической модернизации России. / Там же, с. 311- 324.

«Шесть мифов Академии наук», «Эксперт» №48 (685) /14 дек 2009.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Директ Паблишинг, 2008

Ясин Е.Г. «Модернизация и общество». М., «Вопросы экономики», № 5, 2007.

Abramovitz, Moses, 1986. Catching up, forging ahead, and falling behind. *Journal of Economic History* 46 (2), 386–406.

Coase, R. (1937), "The Nature of the Firm", *Economica*, 4 (16): 386–405.

Coleman J. S. «Social Capital in the Creation of Human Capital». *American Journal of Sociology*, 1988, Vol. 94.

Cracolici M.F., Cuffaro M., Nijkamp P. The Measurement of Economic, Social and Environmental Performance of Countries: A Novel Approach. 2009. Pp. 339-356

David B. Audretsch & Werner Boente & Jagannadha Pawan Tamvada, 2007. "Religion and Entrepreneurship," *Jena Economic Research Papers 2007-075*, Friedrich-Schiller-University Jena, Max-Planck-Institute of Economics.

Doepke, Matthias and Zilibotti, Fabrizio. 2008. «Occupational Choice and the Spirit of Capitalism». *Quarterly Journal of Economics* Vol. 123, No. 2 (May 2008), p. 747–793;

Edquist, C. and Johnson, B. (1997). 'Institutions and organisations in systems of innovation', in C. Edquist (ed.) *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. London and Washington: Pinter/Cassell Academic.

Ellison, Christopher G. 1991. "Religious Involvement and Subjective Well-Being." *Journal of Health and Social Behavior* 32: 80-99.

Ellison, Christopher G. 1994. "Religion, the Life Stress Paradigm, and the Study of Depression." Pp. 78-121 in *Religion in Aging and Health: Theoretical Foundations and Methodological Frontiers*, edited by Jeffrey S. Levin. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Freeman C. (1987). *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. Pinter, London., c. 1-5

Freeman C. (1995). *The National System of Innovation in Historical Perspective*, *Cambridge Journal of Economics*, No. 19, P. 5-24.

Galor, Oded and Moav, Omer. 2002. «Natural Selection and the Origins of Economic Growth». *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 117, No. 4 (Nov.), p. 1133–1191; Clark, Gregory. 2007. *A Farewell to Alms*. — Princeton: Princeton University Press.

Gorodnichenko, Yuriy and Roland, Gerard. 2011. «Culture, Institutions and the Wealth of Nations». Unpublished working paper, University of California, Berkeley.

Greif, Avner. 1994. «Cultural Beliefs and the Organization of Society: a Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies». *Journal of Political Economy* Vol. 102, No. 5 (Oct.), p. 912-950.

Guiso, Luigi, Sapienza, Paola and Zingales, Luigi. 2006. «Does Culture Affect Economic Outcomes?» *The Journal of Economic Perspectives*, Vol. 20, No. 2 (Spring), p. 23–48.

Inglehart R., Baker W.E. *Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values* // *American Sociological Review*, 2000, v. 65. P. 19–51;

Krugman P. (1991). *Geography and Trade*. Leuven University Press, Belgium.

Kuran, Timur, 2004. *Why the middle east is economically underdeveloped: historical mechanisms of institutional stagnation*. *Journal of Economic Perspectives* 18 (3), 71–90.

Laranjaa M., Uyarrab E., Flanaganb K. (2008). *Policies for science, technology and innovation: Translating rationales into regional policies in a multi-level setting*. *Research Policy*, 37, P. 823-835.

Lebedeva N., Osipova E., Cherkasova L. *Values and Social Capital as Predictors of Attitudes Towards Innovations*.// Working paper. Series: Sociology, WP BRP 10/SOC/2012. 28 p.

Lebedeva N., Schmidt P. Values and Attitudes Towards Innovation Among Canadian, Chinese and Russian Students.// Working paper. Series: Sociology, WP BRP 04/SOC/2012. 31 p.

Levin JS, Religion and health: Is there an association, is it valid, and is it causal? // *Social Science & Medicine*, Volume 38, Issue 11, Pages 1475-1482.

Levin JS, Vanderpool HY. Is frequent religious attendance really conducive to better health? Toward an epidemiology of religion. *Social Science & Medicine*.1987; 24(7):589–600.

Lewis S. Davis. Institutional flexibility and economic growth // *Journal of Comparative Economics* 38 (2010) 306–320. 13.

Lundvall B-A. (ed.) (1992). *National Innovation Systems: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*, Pinter, London.

Lundvall B-A. (2007). *National Innovation System: Analytical Focusing Device and Policy Learning Tool*. Working paper.

Manca, F. Technology catch-up and the role of institutions // *Journal of Macroeconomics* 32 (2010) 1041–1053.

McCleary R.M., Barro R. Religion and Economy // *Journal of Economic Perspectives*. 2006.

McCloskey, Deirdre. 2006. *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. — Chicago: University of Chicago Press;

McCloskey, Deirdre. 2010. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. — Chicago: University of Chicago Press;

Miron E., Erez M., Naveh E. Do Personal Characteristics and Cultural Values that Promote Innovation, Quality, and Efficiency Compete or Complement Each Other? // *Science, Technology and the Economy Program (STE) Working Papers Series STE-WP-19-2003*. 42 p.

Montalvo J.G., Reynal-Querol M. // *Economics Letters* 80 (2003). 201–210.

Nelson R.R., Winter S.G. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Harvard University Press.

Nelson, R. R. (1992): “National Innovation Systems: A Retrospective on a Study”. *Industrial and Corporate Change*, no. 2, pp.347-374.

Nelson R.R. (ed.) (1993). *National Innovation Systems. A Comparative Analysis*, Oxford University Press, New York/Oxford.

North, D. *Structure and Change in Economic History*, Norton, 1981. North, D. *Institutions and economic growth: An historical introduction*, Elsevier, 1989.

North, D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, 1990.

North, D. 1991. *Institutions*. *Journal of Economic Perspectives* 5 (1), 97–112. 106.

North, Douglass C. 2005. *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton: Princeton University Press.

North, D., Wallis, J. and Weingast, B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge University Press, 2009.

Pavitt, K. (1984), *Sectoral Patterns of Technical Change: Towards a Taxonomy and a Theory*, *Research Policy* 13:374-73.

Perez C. *Technological Revolutions, Paradigm Shifts and Socio-Institutional Change* Published in: Reinert, Erik (ed) *Globalization, Economic Development and Inequality: An alternative Perspective*, Edward Elgar Cheltenham, UK. 2004. Pp. 217-242.

Eswar G Prasad, Raghuram Rajan, Arvind Subramanian. *Patterns of international capital flows and their implications for economic development*, *Proceedings, Federal Reserve Bank of Kansas City*, 2006.

Putnam R. with Leonardi R. and Nanetti R. «*Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*». Princeton, NY: Princeton University Press, 1993.

Rodrik D. *One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2007.

Rodrik D. *The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work*. Overseas Development Council. 1999

Schwartz S.H., Bardi A. *Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective* // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, v. 32. P. 268–290;

Schwartz S.H., Bilsky W. *Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross Cultural Replications* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, v. 58. P. 878–891.

Schwartz S.H., Bilsky W. *Toward a Universal Psychological Structure of Human Values* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, v. 53. P. 550–562;

Shane S. *Why Do Some Societies Invent More Than Others?* // *Journal of Business Venturing*, 1992, № 7. P. 29–46; Triandis H.C. *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994.

Shane S., Venkatarman S., Mac-Millan I. Cultural Differences in Innovation Strategies // *Journal of Management*, 1995, v. 21, № 5. P. 931–952;

Smits R. (2002). Innovation studies in the 21st century: Questions from a user's perspective. *Technological Forecasting & Social Change* 69. P. 861-883.

Suri T., Boozer M.A. & Ranis G., Stewart F. Paths to Success: The Relationship Between Human Development and Economic Growth. // *World Development* Vol. 39, No. 4, pp. 506–522, 2011.

Tabellini, Guido. 2008. «Institutions and Culture (Presidential Address)». *Journal of the European Economic Association* Vol. 6, Nos. 2–3 (April-May), p. 255–294;

Williamson, O. (1981). "The Economics of Organization: The Transaction Cost Approach". *The American Journal of Sociology* 87 (3): 548–577.

Williamson, O. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*, The Free Press, New York, 1985.

Zak, Paul J. and Knack, Stephen. 2001. «Trust and Growth». *The Economic Journal*, Vol. 111, No. 470 (Apr.), p. 295–321;